

КИОСК ПОСЛЕДНЕГО ПОЕЗДА

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Киоск последнего поезда

«Автор»

2026

Велирский В.

Киоск последнего поезда / В. Велирский — «Автор», 2026

После увольнения бывший поездной диспетчер Лена Мезенцева арендует ночной книжный киоск у вокзала Бережска. Она собирается переждать несколько месяцев и уехать к сестре, но у окна один за другим появляются люди, которые тоже не сели в свой поезд: фельдшер, боящийся оставить брата, женщина, защищающая деньги и документы от мужа, подросток, готовящийся поступать в другом городе, и бывшая проводница, привыкшая быть незаменимой. На обороте бумажного билета посетитель может оставить один вопрос. Никто не обязан отвечать, возвращаться или превращать свою историю в рекламу. Пока весенняя реконструкция приближает снос киоска, Лене приходится защитить не старую будку, а право людей на короткую передышку — и научиться передавать ответственность, не решая за других. «Киоск последнего поезда» — тёплый современный роман о выборе между отъездом и возвращением, границах заботы и втором начале, которое не обязано выглядеть как побег.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Табло отправлений	6
Глава 2. Книга без совета	14
Глава 3. Чужой вопрос	22
Глава 4. Свет в окне	30
Глава 5. После полуночи	38
Глава 6. Название, которого не было	46
Глава 7. Камера хранения	55
Глава 8. Запись без звука	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Влад Велирский

Киоск последнего поезда

От автора

Вокзалы принято считать местами отправления и прибытия. Но между этими двумя ясными событиями существует ещё одно: человек стоит перед табло, держит билет и пока не знает, станет ли обозначенный маршрут его дорогой. Иногда поезд уходит без него. Иногда он садится, а сомнение остаётся на платформе и всё равно едет следом.

«Киоск последнего поезда» — роман о таких промежутках. Его герои покупают и обменивают книги, ждут электричку, считают деньги, спорят о правилах и пытаются отличить передышку от бесконечного откладывания жизни. Книги здесь не дают готовых ответов. Они могут занять руки, помочь выдержать тихий час или дать слова для вопроса, который всё равно придётся решать поступком.

Мне важно было рассказать об уютном месте без обещания, что оно спасёт каждого вошедшего. Настоящее гостеприимство имеет часы работы, цену электричества, тревожную кнопку и право хозяина закрыть дверь вовремя. Оно не удерживает посетителя благодарностью и не требует доверить личную историю в обмен на тепло.

Эту книгу можно читать как историю маленького ночного сообщества. Но в её центре остаётся отдельный выбор каждого: уехать, вернуться, остаться ещё на сезон или признать, что решение пока не принято. Ни один из этих вариантов не становится смелым только из-за названия. Смелость появляется там, где человек принимает последствия и оставляет другим такое же право выбирать.

Последний поезд в романе уходит по расписанию. Жизнь тех, кто оказался на платформе, на этом не заканчивается.

Глава 1. Табло отправлений

В конверте лежали две справки, копия приказа и расчётный листок, в котором выходное пособие выглядело крупнее, чем ощущалось. Лена пересчитала страницы, хотя знала их порядок наизусть, и только после этого расписалась в журнале.

— Здесь и здесь, — сказала кадровичка. — Дату поставьте сегодняшнюю.

Лена поставила двадцать восьмое сентября. Рука сама вывела рядом время — 16:42. Она зачеркнула цифры прежде, чем кадровичка успела заметить.

За матовым стеклом отдела кадров кто-то передвигал стул. В коридоре пахло бумагой, старой краской и столовской гречкой. Два месяца назад Лена проходила здесь на разбор, потом на комиссию, потом за копией заключения. Каждый раз ей казалось, что к следующему визиту в формулировке появится что-нибудь новое: признание, что в ту ночь не было ни столкновения, ни травм, ни даже сорванного графика; примечание о четырнадцати годах без взысканий; хотя бы слово «усталость», написанное не как отягчающее обстоятельство.

Но формулировка не менялась: нарушение порядка передачи дежурства.

— Пропуск, — напомнила кадровичка.

Лена сняла с шеи пластиковую карточку. На фотографии у неё были короткие волосы, тёмный форменный жакет и выражение человека, которому нельзя сообщать плохие новости, пока он сам не разрешит. Карточка легла на стол рядом с печатью.

— Всё?

Кадровичка посмотрела в журнал.

— По нашей части — всё.

Удобные слова. Они не означали ни конца, ни начала, только отсутствие следующей подписи.

Лена убрала конверт в сумку и вышла на служебную лестницу. До улицы можно было спуститься за минуту, но на площадке второго этажа она задержалась у окна. За стеклом лежали пути Бережского вокзала: четыре мокрые полосы, серые платформы, синие навесы. Электричка на областной центр стояла у третьего пути. На табло против неё горело «17:06», а ниже уже появилось название следующей станции, словно поезд начал уходить заранее, по буквам.

Телефон коротко завибрировал.

«Получила документы?» — спросила сестра.

Лена набрала: «Да. Вечером позвоню» — и не отправила. Нина после любого «да» задавала следующий разумный вопрос. Когда приедешь? Ты посмотрела вакансии? Может, сразу взять билет, пока не подорожал? У Нины была свободная комната в двухкомнатной квартире, знакомая в логистической компании и убеждение, что триста двадцать километров — не переезд, а один решительный день.

Лена стёрла сообщение и написала: «Документы получила. Всё нормально».

Нормально было словом без расписания.

На первом этаже её окликнули возле закрытой кассы пригородных поездов.

— Мезенцева, вы теперь от нас бегом?

Заместитель начальника вокзала Денис Круглов держал под мышкой свернутую схему и бумажный стаканчик. Лена видела его на комиссии: он не задавал вопросов, только перелистывал копии переговоров и однажды снял очки, когда она сказала, что не хотела будить сменщицу после её больничного. Тогда этот жест показался ей сочувствием. Позже она поняла: Круглов просто протирал линзу.

— Я теперь от вас по общему выходу, — ответила она.

— Тем более не бегом. Пол мокрый.

Он указал стаканчиком на жёлтую табличку и сам едва не наступил за ограждающую ленту. Лена машинально придержала край схемы, чтобы тот не окунулся в воду.

— Спасибо. Реконструкция, — объяснил Круглов, будто она спросила. — С весны начнём. Малый зал объединят с кассовым, торговлю перенесут в павильон со стороны площади.

— Поздравляю.

— Пока не с чем. Полгода согласований ради того, чтобы выяснить, что старый газетный киоск числится отдельно.

Лена посмотрела туда, куда он кивнул. В дальнем конце бокового зала, между дверью на первую платформу и автоматом с водой, стояла стеклянная будка. На выпуклом козырьке угадывались светлые прямоугольники от снятых букв. Внутри темнели пустые проволоочные стойки. Нижнюю часть окна прежний продавец заклеил обложками журналов; солнце обесцветило лица до одинакового розового тона.

Киоск не работал с июня. Лена помнила женщину в красном свитере, которая продавала газеты, детективы в мягких обложках, батарейки и слишком сладкий кофе. В конце смены женщина ставила у стекла табличку «Вернись через 10 минут», хотя уходила домой.

— Его снесут? — спросила Лена.

— Весной. Если подрядчик опять не перенесёт сроки. До тех пор управление сдаёт по временной ставке. Только желающих нет.

— Удивительно.

Круглов услышал насмешку, но не обиделся.

— Днём здесь людей мало: все идут через главный зал. Ночью поток есть, но цветы, газеты и дорожные подушки после девяти никому особенно не нужны. Прежний арендатор отказался. Вам зачем?

— Мне ни зачем.

Лена произнесла это слишком быстро. Круглов развернул схему на подоконнике, прижал угол стаканчиком и показал заштрихованный прямоугольник.

— До первого марта. Дальше освобождение за десять рабочих дней, без компенсации ремонта. Коммунальные по счётчику, охрана в общую ставку не входит. Ночной режим согласуется отдельно.

— Я сказала, мне не нужно.

— А я ничего не предлагаю. У нас с вами трудовые отношения закончились.

Он свернул схему и пошёл к служебному коридору. На полпути остановился.

— Ключ у администратора. Если захотите посмотреть — до шести. Потом активируют пломбу.

Лена осталась возле автомата с водой. На его экране мигало предложение оплатить стакан картой. За стеклянной стеной киоска виднелась узкая дверь, полка и табурет с порванным сиденьем. Помещение было таким маленьким, что в нём нельзя ходить из угла в угол. Нельзя забыть чайник включённым в дальней комнате. Нельзя одновременно отвечать на три телефона и слышать, как в соседней линии меняется сигнал. Один человек, одно окно, одна дверь.

До переезда к Нине ей требовалось решить три вещи: продать квартиру или сдать её, найти работу и перестать просыпаться в 03:17 с уверенностью, что не передала предупреждение следующей смене. Нина говорила, что в другом городе третье пройдёт само. Лена знала расписания лучше сестры и потому не верила в поезда, которые увозят только то, что указано в билете.

Она дошла до главного выхода, постояла под навесом и вернулась к стойке администратора.

— Ключ от киоска ещё можно взять?

Администратор подняла глаза от кроссворда.

— Паспорт.

— Я здесь четырнадцать лет работала.

— Тогда вы знаете порядок.

Лена знала. Она достала паспорт.

Ключ был прикреплен к деревянному бруску размером с детскую линейку. Пломба на двери оказалась бумажной, с синей печатью. Администратор пришла вместе с ней, сверила номер, разрежала нитку и записала время: 17:11.

— До шести, — сказала она. — Я одна на стойке, бегать закрывать не буду.

Внутри пахло пылью, картоном и чем-то кофейным, въевшимся в пластик. Лена включила верхний свет. Загорелась одна из двух ламп; вторая мигнула и оставила над кассовой зоной серый полукруг. На полу за табуретом лежал засохший пакетик сахара. В нижнем шкафу нашлись рулон кассовой ленты, три ценника и книга без обложки, разбухшая по краям.

Лена открыла форточку. С платформы донёсся голос диктора, объявивший посадку на электричку в областной центр. Потом голос повторил всё снова, уже без единой человеческой интонации. Люди за стеклом ускорились. Мужчина в бежевой куртке держал ребёнка под мышки и почти нёс к турникетам; женщина на ходу застёгивала рюкзак; двое студентов спорили, успеют ли купить кофе. Лена увидела каждого по отдельности и сразу всех как поток, который следовало провести через узкое место без задержки.

Она отошла от окна.

На внутренней стене висел лист со старым графиком. Киоск открывался в семь утра и закрывался в девять вечера. Лена перевернула лист чистой стороной и стала считать.

Временная аренда. Залог. Первый месяц. Касса. Товарный остаток. Электричество. Налог. Она записывала суммы из объявления, которое нашла по QR-коду на стойке аренды, и добавляла те, о которых объявление молчало. Книги можно было взять у оптовика с отсрочкой лишь после договора. Подержанные — выкупать, но тогда требовались оценка состояния и учёт. Газеты возвращались поставщику не все. Кофе означал воду, санитарные требования и ежедневную мойку. Кофе Лена вычеркнула.

Полученной компенсации хватало на четыре месяца жизни без заработка, если жить осторожно, или на переезд и залог за комнату рядом с Ниной, если работу искать уже там. После аренды киоска от четырёх месяцев оставалось два с небольшим.

В 17:24 электричка ушла. Люди перестали бежать, и боковой зал словно выдохнул. За следующие восемь минут мимо окна прошли шесть человек. Один купил воду в автомате. Никто не посмотрел на киоск.

Лена добавила в расчёт строку «выручка» и оставила её пустой.

— Картина маслом, — сказала женщина у открытой двери.

На пороге стояла Света Аржанова, хозяйка цветочного павильона со стороны площади. Лена знала её по утренним сменам: Света в любую погоду носила белые кеды и разговаривала так, будто собеседник уже пытался получить скидку.

— Снова газеты? — спросила Света.

— Пока пыль.

— Пыль у них бесплатная, за остальное счёт выставят. Вы арендовать хотите?

— Смотрю.

Света вошла, не дожидаясь приглашения, провела пальцем по стойке и показала серую подушечку.

— Днём не вытянете. Утренний поток мой, там люди к автобусам идут. После шести цветы ещё берут встречающие, но сюда не заворачивают. Часов в десять начинается обратная электричка, потом последняя в ноль восемнадцать. Вот тогда стоят.

— За книгами?

— За чем открыто. Вода в автомате дорогая, кофе закрыт, касса одна. Но если поставите кофе, нам обеим устроят санитарный праздник.

— Не поставлю.

— Уже решили?

Лена сложила лист пополам, закрывая расчёты.

— Уже вычеркнула.

Света усмехнулась.

— Это у вас профессиональное. Вычёркивать легче, чем продавать.

В прежней жизни Лена ответила бы, что работа диспетчера состоит не в вычёркивании, а в сохранении вариантов. Но прежняя жизнь закончилась час назад, когда пластиковая карточка легла рядом с печатью.

— Почему киоск закрыли? — спросила она.

— Владелица заболела, сын распродал остатки и договор не продлил. Ночами она давно не сидела, только табличку оставляла. А вам ночами можно?

— Можно.

Это оказалось правдой, которую Лена не проверяла. Ей можно было не вставать к семи, не объяснять в десятый раз, почему она не рассматривает вакансию диспетчера на автобусной станции, не лежать в темноте и не ждать 03:17. Можно было работать тогда, когда всё равно не спалось.

— До весны, — сказала Света. — Потом этот угол разберут.

— Я знаю.

— Тогда зачем вкладываться?

Лена посмотрела на свой сложенный расчёт.

— Чтобы три месяца не решать, куда вкладываться дальше.

Света перестала улыбаться.

— Дорогой способ ничего не решать.

— Зато с договором.

С платформы объявили опоздание проходящего поезда. Света повернула голову к динамику, прикидывая, принесёт ли задержка покупателей.

— Если возьмёте, не ставьте ящики в общем коридоре. И к моей розетке не подключайтесь. Прежняя хозяйка считала, что удлинитель — это добрососедство.

— Поняла.

— Не поняли, а запишите. Вы же всё записываете.

Света ушла. Лена развернула лист и под расходами добавила: «отдельное питание — проверить». Потом перечеркнула строку «три месяца» и написала «до 1 марта». Получалось пять. Пять месяцев — почти не пауза. Но договор оставался временным, стены — чужими, срок — заранее известным. Временные вещи Лена понимала. У них были даты, номера и порядок завершения.

К шести она вернула ключ. Домой ехала на автобусе, держа сумку с документами на коленях. Нина позвонила, когда автобус остановился перед мостом.

— Ну? — спросила сестра. — Ты свободный человек?

— Видимо.

— Голос как после суточной смены.

— Я посмотрела одно помещение.

— Квартиру?

— Киоск на вокзале.

В трубке возникла короткая тишина. Нина умела молчать выразительнее большинства людей.

— Зачем тебе киоск?

— До весны. Там льготная ставка.

— Лена, я спросила зачем, а не насколько выгодно.

Автобус тронулся. За окном поплыли гаражи, мокрые тополя, вывеска шиномонтажа. Лена могла сказать: чтобы заработать. Но расчёт лежал в сумке и опровергал её. Могла сказать: чтобы продавать книги. Она любила читать, однако ни разу не мечтала о торговле. Могла сказать правду Светы — дорогой способ ничего не решать, — но Нина немедленно предложила бы дешёвый.

— Мне нужна работа на несколько месяцев, — сказала Лена. — Пока разберусь.

— У меня рядом три вакансии. Я тебе отправляла.

— Они у тебя рядом.

— В этом и смысл переезда.

— Я ещё не решила переезжать.

— Тогда зачем два месяца говорить, что приедешь?

Лена прижала лоб к холодному стеклу. В конце моста автобус обогнал товарный состав. Вагоны медленно тянулись в сторону сортировочной станции, одинаковые, закрытые, каждый со своим номером.

— Потому что тогда мне нужно было говорить хоть что-нибудь.

Нина вздохнула.

— Не вкладывай компенсацию сегодня. Переночуй с этим.

— Хорошо.

— Ты обещаешь?

— Я сказала «хорошо».

— Вот именно.

После разговора Лена открыла банковское приложение и посмотрела на сумму выплаты. До дома оставалось четыре остановки. Объявление об аренде сохраняло кнопку «Подать заявку». Лена закрыла приложение, открыла снова и скачала образец договора.

Она переночевала с решением. В половине четвёртого встала, вскипятила воду и прочитала договор от первой страницы до последней. В 09:10 позвонила в отдел аренды, в 11:30 осмотрела счётчик вместе с техником, в 14:05 подала заявление как самозанятая, хотя торговля книгами потребовала затем оформить индивидуальное предпринимательство. На этом месте временный план впервые оказал сопротивление.

Специалист центра услуг, молодой человек с серебряной серьгой, развернул к ней монитор.

— Как самозанятая вы можете продавать продукцию собственного производства. Перепродажа книг не подходит. Вам нужно ИП и подходящая система налогообложения. Касса тоже обязательна, если не попадаете под конкретное исключение.

— В объявлении про это ничего нет.

— Потому что объявление про аренду помещения, а не разрешение вести любой бизнес.

Лена почувствовала знакомое раздражение: ей сообщили ограничение после того, как она уже построила схему. Раньше в такие минуты она начинала искать обходной маршрут быстрее, чем успевала оценить, нужен ли сам рейс.

— Сколько занимает регистрация?

— Обычно три рабочих дня при электронной подаче. Но счёт, эквайринг, касса, договоры с поставщиками — отдельно. Я могу распечатать памятку.

— Распечатайте.

К вечеру у неё была папка с памятками, предварительный расчёт банка и два предложения от книжных оптовиков. Ещё через день — заявление на регистрацию ИП и согласованный проект договора аренды. Круглов вызвал её в кабинет прежде, чем она успела внести залог.

На его столе лежала её заявка. Рядом — схема реконструкции, теперь развёрнутая полностью.

— Вы быстро, — сказал он.

— Срок аренды короткий.

— Поэтому и спрашиваю. Вы понимаете, что продления не будет?

— До первого марта, освобождение за десять рабочих дней.

— И что вокзал не гарантирует поток покупателей?

— В договоре есть.

— И что право торговли вы обеспечиваете сами? Нам не нужна история, в которой бывший сотрудник открыл нелегальную лавку, а журналисты поставили наш логотип на заставку. Лена положила перед ним памятку и подтверждение подачи заявления.

— К моменту подписания будет регистрация. Кассу закажу после договора. Поставщики предварительно согласны на малую партию.

Круглов перелистал бумаги.

— Ночной режим зачем?

— Дневной поток идёт через главный зал. Здесь люди появляются к поздним электричкам. Я буду открываться в двадцать один сорок и закрываться после отправления последней, в ноль восемнадцать.

— После отправления или в ноль восемнадцать?

— В ноль восемнадцать.

— Если задержка?

Лена посмотрела на него. Вопрос был простым, но ответ разделял два вида работы. Диспетчер оставался, пока движение не восстанавливалось. Арендатор закрывал окно по согласованному режиму.

— По отдельному разрешению дежурного администратора, — сказала она. — Иначе в ноль восемнадцать.

Круглов кивнул, словно именно это проверял.

— Боковой зал после последней электрички закрывается. Эвакуационный выход не загромождать. Ночевать нельзя — ни вам, ни покупателям. Хранить багаж нельзя. Еда и напитки только после отдельного согласования.

— Не будет еды и напитков.

— Тогда что будет?

— Книги.

— Одни книги ночью у вокзала?

— Для начала.

Он снял очки и посмотрел на свет. На правой линзе был след от пальца.

— Вы всегда любили простые ответы на сложные вопросы, Мезенцева.

— Нет. Я любила, чтобы сложный ответ помещался в распоряжение.

— Возможно, в этом и была проблема.

У неё уже нашлось возражение: проблема была в нехватке людей, в больничном сменщицы, в двух задержанных составах, в звонках сверху. Всё это оставалось правдой. Но ещё правдой было то, что она не сообщила о своей усталости и сама решила, за скольких людей может отвечать одновременно.

Лена закрыла папку.

— Вы отказываете в аренде?

— Нет. Предупреждаю, что киоск не диспетчерская. Человек опоздает на поезд после покупки книги — это всё ещё его опоздание. Человек останется в закрывающемся зале — вам придётся вызвать администратора, а не устраивать ночлежку. Сумеете?

— Сумею.

— Тогда касса, страховка ответственности и акт электрика до открытия. Залог сегодня не требуется. Возьмите сутки.

— Зачем?

— Потому что после залога вернуть его можно только по условиям договора. А у вас компенсация, насколько я понимаю, не бесконечная.

Лена подумала о Нине. Два человека, которые редко соглашались друг с другом, предложили ей переночевать с решением. От этого совет стал похож на заговор.

— Я уже переночевала.

Она подписала договор и перевела залог прямо в кабинете. Банковское приложение показало новый остаток. Сумма на экране ещё позволяла купить билет к Нине, снять комнату и прожить несколько недель, но уже не позволяла считать любой из этих шагов лёгким.

Круглов дождался подтверждения платежа и поставил подпись со своей стороны.

— Ключ получите после акта электрика. Открытие не раньше понедельника.

— Сегодня четверг.

— Именно.

В коридоре Лена остановилась под табло. Ближайшая электричка в сторону Нинино города отправлялась в 18:47 с пересадкой. Раньше она смотрела на эту строку как на задачу: сорок минут на дом, десять на вещи, билет в приложении. Теперь маршрут требовал признать потраченный залог. Она сфотографировала табло и отправила Нине без комментария.

Сестра ответила: «Ты всё-таки взяла киоск?»

Лена написала: «До марта».

Три точки появлялись и исчезали почти минуту. Наконец пришло: «Тогда хотя бы не называй это ожиданием переезда».

Лена убрала телефон. Под строкой на 18:47 загорелось «Посадка». Она не пошла домой за вещами и не купила билет. Вместо этого вернулась в киоск с электриком, подписала акт на одну исправную розетку и две лампы, заказала недорогую кассу в аренду и договорилась с букинистическим складом о первой партии. В понедельник днём привезли восемь коробок.

Книги оказались тяжелее, чем выглядели в накладной. Лена переносила их по две, раскладывала по полкам и сразу меняла порядок. Детективы ближе к окну. Современная проза на уровне глаз. Дорожные очерки — подальше от табло, чтобы никто не решил, будто она торгует направлениями. Последнюю мысль она сочла нелепой и всё равно оставила полку там.

К 21:30 у неё были касса, терминал, ценники, журнал уборки, аптечка, огнетушитель и двадцать минут опыта розничной торговли, полученного из видео банка. Не было ни одного покупателя.

В 21:40 Лена повернула табличку на двери: «Открыто до 00:18».

Первые сорок минут люди проходили мимо. Некоторые смотрели на освещённое окно, но не замедлялись. Девушка с чемоданом спросила, продаются ли зарядные устройства. Мужчина в рабочей куртке хотел кофе. Пожилая женщина потребовала расписание автобуса до Северного кладбища и рассердилась, когда Лена направила её к справочному терминалу.

В 22:37 случилась первая продажа: сборник кроссвордов и шариковая ручка, оставшаяся от канцелярского набора для журнала. Ручку Лена провела через кассу как сопутствующий товар, потом десять минут проверяла, правильно ли выбрала категорию.

В 23:05 она продала тонкий детектив мужчине, который не снял наушники. В 23:26 студентка купила книгу о рисунке и спросила, можно ли сидеть рядом на подоконнике. Лена сказала, что подоконник относится к залу, а не к киоску. Студентка пожала плечами и села.

Это не было успехом, но перестало быть пустотой.

К полуночи боковой зал наполнился людьми. Они не заходили — у киоска не было места для посетителей, только окно и полоса пола перед ним, — однако свет притягивал взгляды. За стеклом полки казались глубже. Книги скрывали старые розовые прямоугольники от журналов. Лена включила вторую настольную лампу, купленную за свои деньги, и тут же записала расход в таблицу.

В 00:03 объявили посадку на последнюю электричку. Люди потянулись к платформе. Лена приготовилась закрыть кассовую смену ровно в 00:18.

В 00:11 к окну подошёл мужчина в тёмной куртке. Лет тридцать, высокий, с медицинским рюкзаком, на котором светоотражающая полоса была затёрта сбоку. Он положил на стойку пригородный билет.

— Возврат здесь делают?

— В кассе или в приложении, смотря где покупали.

— Касса закрыта.

— Тогда завтра. Если тариф возвратный и срок позволяет.

Мужчина посмотрел на табло. До отправления оставалось шесть минут.

— А если поезд ещё не ушёл?

— Электронный билет можно вернуть в приложении. Бумажный — по правилам перевозчика через кассу. Но вы ещё успеваете на поезд.

— Я знаю.

Он не взял билет со стойки. На платформе проводник пригородного состава поднял руку, приглашая последних пассажиров. Мужчина расстегнул куртку, снова застегнул и повернулся к окну с книгами.

— Подберите мне что-нибудь.

— Что вы обычно читаете?

— Сейчас — расписание и сообщения от брата.

— А из книг?

— Не знаю. Что-нибудь для человека, который не поехал.

В динамике прозвучало предупреждение о закрытии дверей. Лена посмотрела на часы: 00:13. Потом на билет. Потом на мужчину.

Раньше подобная просьба включила бы в ней целую схему. Уточнить причину. Оценить последствия. Найти правильный маршрут. Убедиться, что человек понял. Передать его следующему ответственному.

Но перед ней было окно книжного киоска, а не пульт. Мужчина не просил вернуть билет и не спрашивал, куда ему ехать. Он попросил книгу.

— Для такого человека отдельной полки нет, — сказала Лена. — Но до закрытия ещё пять минут. Можем посмотреть.

За стеклом тронулась последняя электричка. Красные огни медленно поплыли вдоль платформы, на секунду отразились в витрине и исчезли за поворотом.

Мужчина проводил их взглядом, но с места не сдвинулся.

Лена перевернула табличку с надписью «Открыто» обратно только в 00:18.

Глава 2. Книга без совета

В 00:18 Лена перевернула табличку, но мужчина не ушёл.

Он стоял у окна так, будто закрытие относилось к кассе, лампам и вокзалу, но не к нему. Медицинский рюкзак он снял и поставил между ботин. На тёмной ткани белела полоска соли. Дождь, которым весь вечер пахло с платформы, наконец начался: мелкий, косой, почти зимний.

Лена выключила кассовую ленту и пересчитала выручку. Три книги, сборник кроссвордов, ручка. Если вычесть комиссию за терминал, аренду кассы и электричество, первая ночь не окупала даже одну настольную лампу. Зато ошибки сошлись до рубля.

— Вокзал сейчас закроет боковой зал, — сказала она. — Вам лучше перейти в главный. Там до утра можно сидеть.

— Я не до утра. Мне автобус в ноль сорок пять.

— Тогда тем более.

Он кивнул, но посмотрел не на дверь, а на полки.

— Вы обещали посмотреть.

Лена вспомнила последние пять минут перед поездом. Обещание было точным: посмотреть, не подобрать. Она привыкла считать точность формулировки средством защиты, пока работала диспетчером. «Ожидается» не значило «прибудет». «Задерживается» не значило «отменён». Сейчас эта привычка показалась дешёвой уловкой.

— Хорошо. Только быстро.

Она снова включила одну лампу. Свет лёг на корешки узкой янтарной полосой.

— Как вас зовут?

— Тимур.

— Лена. Что вы хотели бы прочесть, Тимур?

— Я же сказал: что-нибудь для человека, который не поехал.

— Это не жанр.

— А у вас книги только по жанрам понимают?

— Книги ничего не понимают. Это удобно нам.

Он улыбнулся впервые, но улыбка быстро пропала. Лена показала на ближнюю полку.

— Здесь современная проза. Дальше рассказы. Там дорожные очерки, но я бы не советовала выбирать их только из-за билета.

— Почему?

— Потому что вы уже пропустили поезд. Необязательно ещё и покупать символ.

В главном зале хлопнула дверь. По громкой связи попросили пассажиров покинуть боковой коридор. Лена достала ключ, вышла из киоска и закрыла дверь изнутри на нижний замок. Теперь они стояли по разные стороны стекла: она среди книг, Тимур — на полосе серой плитки.

— Так даже честнее, — сказал он.

— Что именно?

— Вы внутри, я снаружи, совет проходит через окошко.

— Совета не будет.

— Тогда зачем вы остались?

Лена нашла на полке три тонкие книги и положила их обложками вверх. Сборник рассказов о маленьком городе. Роман о человеке, который после смерти отца разбирает мастерскую. Дневник натуралиста, наблюдавшего птиц на городской реке. Никаких вокзалов, побегов и правильных ответов.

— Можете открыть любую на первой странице, — сказала она. — Прочитать абзац. Если захотите перевернуть страницу, берите.

— И всё?

— Всё.

Тимур взял сборник рассказов. Прочёл начало, перелистнул, вернулся. Лицо его не изменилось. Во второй книге задержался на дольше, но страницу не перевернул. Третью открыл посередине.

— На первой, — напомнила Лена.

— Почему такое правило?

— Потому что вы просили помочь выбрать. А не найти лучшую цитату.

Он подчинился. Пока читал, Лена убрала деньги в кассовый конверт, записала показания счётчика и провела пальцем по краю витрины. На подушечке осталась пыль. Утром надо было купить салфетки, пакеты и ещё одну коробку чековой ленты. Каждая мелочь откусывала от компенсации по небольшой, аккуратной части.

Тимур перевернул страницу дневника.

— Значит, эту, — сказала Лена.

— Я ещё не решил.

— Страницу перевернули вы.

— Там птица не улетела вместе со стаей.

— Бывает.

— Автор пишет, что у неё могло быть повреждено крыло.

— Тогда это не решение птицы.

Он закрыл книгу.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто любое красивое объяснение надо сначала проверить на неисправность.

Лена хотела сказать, что неисправность обычно и есть объяснение. Сигнал не горит не потому, что поезд должен остаться, а потому, что перегорела лампа или нет контакта. Но слова принадлежали прежней работе, а прежняя работа сегодня выдала ей конверт и попросила подписать получение.

— Это профессиональное, — ответила она.

— Диспетчер?

Она посмотрела на него внимательнее.

— Откуда знаете?

— На столе журнал движения. И вы на табло смотрите чаще, чем продавцу положено.

На столе действительно лежала старая ведомость, разлинованная ею для приходов и расходов. Слова «журнал движения» она написала машинально. Лена перевернула обложку чистой стороной вверх.

— Бывший диспетчер.

— А я фельдшер. Пока ещё.

— «Пока» из-за пропущенного собеседования?

— Собеседование завтра в десять. В областной больнице. Этот поезд был последним прямым. Если ехать автобусом до станции на трассе, потом с пересадкой, я буду там к восьми.

— Значит, вы ничего не пропустили.

— Кроме решения.

Он произнёс это сердито, словно Лена намеренно свела большую беду к расписанию. Она убрала две непроданные книги обратно.

— Решение нельзя пропустить, как поезд. Можно не принять его вовремя. Это другое.

— Очень по-диспетчерски.

— Вы пришли покупать книгу.

— Я пришёл вернуть билет.

- Вернуть его здесь было нельзя.
- Поэтому я покупаю книгу.
- Это тоже необязательно.

Снаружи слышались шаги охранника. Он постучал костяшкой по стеклу и показал на часы.

- Закрываем, Елена Сергеевна.
- Покупатель заканчивает.
- Две минуты. Потом в главный зал.

Тимур взял дневник натуралиста и протянул к окошку. Лена отперла узкую створку, включила кассу и пробила книгу. Терминал долго искал связь. Пока на экране вращался белый круг, Тимур спросил:

- А если я уеду, кого брошу?

Вопрос прозвучал без вступления. Лена подняла глаза.

- Я не знаю.

— Брата. Ему девятнадцать. После смерти матери он живёт у меня. Учится в техникуме, иногда ходит туда. Если я уеду, он останется в квартире один.

- В какой город вы едете?
- В Сосновск. Сто семьдесят километров.
- Это не другая страна.
- Для него — примерно так.

Терминал пискнул. Оплата прошла. Лена выдала чек и положила книгу в бумажный пакет. Тимур не взял.

- Вот сейчас вы уже начали советовать.
- Нет. Я уточнила расстояние.
- С таким выражением, будто сто семьдесят километров должны меня оправдать.
- Ничто не должно вас оправдывать. Вы взрослый человек, он тоже.
- Формально.
- Формально вы покупатель, а я продавец. И всё же мы почему-то обсуждаем вашего брата после закрытия.

Охранник снова появился в коридоре. Лена подняла ладонь: минуту. Затем достала из ящика стопку прямоугольников, нарезанных из оборотной стороны старых рекламных листов.

- Это что?
- Пока не знаю.

Она положила один прямоугольник чистой стороной вверх и протянула ручку.

- Напишите вопрос.
- Кому?
- Никому. Себе. На обороте билета места мало, а этот вы хотели вернуть.
- Вы собираете чужие вопросы?

Лена посмотрела на пустой ящик под стойкой. Утром там лежали кабели от кассы.

- Нет. Сегодня первый.
- А потом читаете?
- Только если разрешат.
- И отвечаете?
- Нет.
- Удобная работа.
- Удобнее прежней.

Тимур взял ручку. Склонился над стойкой, но писать не стал.

- Если вопрос останется здесь, это что-нибудь меняет?
- В кассе — ничего. В расписании — тоже.

— Тогда зачем?

— Чтобы вы не выдавали его за просьбу подобрать книгу.

Он выпрямился. Лена приготовилась, что сейчас он бросит пакет, потребует возврат и уйдёт. Вместо этого Тимур коротко рассмеялся.

— Ладно. Это честно.

Он написал крупно, закрывая строку ладонью. Перечитал, перевернул карточку текстом вниз.

— Разрешаю прочитать. Но не сейчас.

— Когда?

— Когда я уйду.

— Это и так будет не сейчас.

— Вы всё уточняете.

— Профессиональное.

Лена поставила на обороте маленький штамп киоска. Штамп ей изготовили для накладных; на нём были название, номер арендуемого места и дата. Получилось похоже на билет, только без направления.

— Хотите забрать корешок? — спросила она и разрежала карточку по пунктирной линии, которую сама провела утром на нескольких листах.

— А это зачем?

— Чтобы ваш вопрос не выглядел пожертвованием.

Он взял узкую половину со штампом. Большую Лена опустила в ящик.

Они вышли в коридор. Лена погасила свет, проверила оба замка и потянула дверь на себя. Охранник ждал возле турникета, демонстративно позвякивая ключами.

— Автобусная остановка через площадь, — сказала Лена.

— Я знаю.

— Тогда не опоздайте ещё и на автобус.

— Вы всё-таки хотите, чтобы я уехал.

— Я хочу закрыть киоск без нарушения договора.

— А если серьёзно?

— Серьёзно я не знаю ни вас, ни вашего брата. Если скажу «езжайте», мне не придётся жить с тем, как он справится. Если скажу «останьтесь», мне не придётся жить с тем, что вы потеряете работу. Вам придётся в обоих случаях.

Они остановились у выхода. За стеклянными дверями дождь чертил площадь. Автобус уже стоял у навеса, и водитель курил под открытым багажным отсеком.

Тимур сунул книгу в рюкзак.

— Вы могли сказать это сразу.

— Сразу вы просили книгу.

— А теперь?

— Теперь у вас есть книга и автобус.

Он посмотрел на электронные часы над дверью: 00:31.

— Я работаю на скорой в посёлке, — сказал он. — Смена через двое суток. В областной больнице предлагают приёмное отделение и общежитие на три месяца. Зарплата выше. Учиться можно. Брат говорит, что справится. А потом не приходит ночевать и отключает телефон.

— Вы сообщали кому-нибудь, что он пропадает?

— Он совершеннолетний.

— Это не ответ.

— Участковому звонил один раз. Нашли у друзей. Он потом неделю со мной не разговаривал.

— И теперь вы пытаетесь выбрать такую работу, при которой он не сможет исчезнуть?
Тимур помолчал.

— Похоже на совет.

— Похоже на вопрос.

Водитель бросил сигарету в урну и захлопнул багажный отсек. Тимур сделал шаг к дверям, потом вернулся.

— Если я не купил бы книгу, вы дали бы карточку?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это киоск, а не исповедальня. Покупка должна оставаться покупкой. Иначе я начну заманивать людей помощью, которую не умею оказывать.

— А если денег нет?

— Тогда можно законно обменять книгу на книгу. Или просто посидеть в зале. Вопрос не обязателен.

— Вы всё уже придумали?

— Только что.

— Опасная привычка.

— Знаю.

Тимур пошёл через площадь. У автобуса обернулся и поднял руку. Лена ответила. Она не видела, сел он или передумал: водитель заслонил дверь, а затем автобус вырулил из-под навеса и растворился в дожде.

Охранник запер наружные двери.

— Первый постоянный клиент? — спросил он.

— Надеюсь, нет.

— Плохой подход к торговле.

— Он из другого города.

— Тем более. Такие возвращаются с подарками.

Лена не стала объяснять. Домой она шла пешком, потому что ночной автобус в её район ушёл в 00:20. До квартиры было сорок минут вдоль мокрых трамвайных путей. Раньше она считала этот путь неудобством, которое необходимо устранить расписанием. Теперь он оказался частью цены за киоск.

У подъезда она вспомнила о карточке. Ящик остался под стойкой, запертый вместе с кассой. Прочитать вопрос можно было только утром. Условие Тимура было выполнено: он ушёл. Но Лена решила подождать до следующей смены. Не из деликатности — просто не хотела возвращаться под дождём ради чужой фразы.

В квартире было холодно. Хозяин отключал отопление на ночь, уверяя, что автоматика экономит жильцам деньги. Лена поставила чайник, сняла мокрые носки и открыла банковское приложение. После залога, кассы, закупки и мелких расходов сумма выглядела так, будто кто-то вычёркивал из неё маршрут по одному перегону.

Нина написала: «Ты дома?»

Лена ответила фотографией чайника.

«Это не дом, это алиби», — пришло от сестры.

Лена набрала: «Первая смена закончилась». Потом добавила сумму выручки и стёрла. Нина умела считать быстрее неё и обязательно спросила бы, сколько стоило открытие.

«Был покупатель после последнего поезда», — написала Лена.

«Ты открыла ночной книжный или пункт спасения опоздавших?»

Лена посмотрела на сообщение. Точно таким вопросом мог начаться разговор, после которого киоск пришлось бы закрыть из благоразумия. Она ответила: «Книжный. Три продажи».

Нина позвонила. Лена сначала сбросила, потому что чайник вскипел, потом всё-таки набрала сама.

— Три продажи за ночь? — спросила сестра вместо приветствия.

— За первую ночь.

— Это разные вещи только для человека, который уже заплатил аренду.

Лена поставила кружку на подоконник. Во дворе дворник тащил мокрый пакет к контейнеру; пакет цеплялся за асфальт и оставлял тёмную полосу.

— Один покупатель пропустил поезд, — сказала она. — Ему предложили работу в другом городе, а он не знает, можно ли оставить брата.

— И ты, конечно, составила ему план.

— Нет. Я продала книгу.

— Какую?

Лена назвала дневник. Нина удивилась:

— Ты же его не читала.

— Первые две страницы читала, когда принимала товар.

— То есть посоветовала книгу, которую не читала, чтобы он решил, менять ли работу?

— Я не советовала. Он выбрал по первой странице.

— Это звучит ещё хуже.

— Только если считать, что книга должна принять решение.

В трубке стало тихо. Нина умела молчать так, что Лена начинала перечислять недостающие подробности, словно восстанавливала хронологию сбоя. На этот раз она удержалась.

— А ты сама по какой странице выбрала киоск? — спросила Нина.

— По договору аренды.

— Очень увлекательное начало.

Лена усмехнулась.

— Он оставил вопрос на карточке. С разрешением прочитать после ухода.

— И что ты с ним сделаешь?

— Ничего.

— Тогда зачем взяла?

Лена посмотрела на свои бумаги: уведомление об увольнении, договор на квартиру, распечатку маршрута до Нининого города. Все документы отвечали на вопрос «как», но ни один — на вопрос «зачем».

— Чтобы вопрос остался вопросом, — сказала она. — Не заказом на чужое решение.

— Осторожнее. Из красивых правил быстрее всего получается бесплатная работа.

— Это было один раз.

— У тебя всё начинается с одного раза. Одна подменённая смена. Один лишний звонок машинисту. Один человек, которого неудобно передать следующему диспетчеру.

Лена знала, что сестра права не полностью, а потому особенно убедительно. Бывали смены, которые нельзя было передать аккуратно. Но из исключений она действительно собрала профессию, а потом позволила профессии занять всё свободное место.

— Я закрыла киоск вовремя, — сказала она. — И не сказала ему, ехать или оставаться.

— Уже два достижения.

Они попрощались без ссоры. Это тоже можно было считать достижением, но Лена не записала его ни в одну таблицу.

Перед сном она поставила будильник на девять. Карточка в ящике беспокоила её не содержанием, а отсутствием процедуры. Кто имел право открыть ящик? Сколько хранить вопрос? Что делать, если человек захочет забрать его обратно?

Лена открыла заметки и записала четыре пункта. Потом добавила пятый: «Не придумывать правила ради одного случая до второго случая».

Он оказался самым разумным, поэтому она подчеркнула его дважды.

Утром билет, оставленный Тимуром на стойке, исчез.

Лена заметила это сразу. Она вошла в киоск в 09:20, хотя ночная смена начиналась только вечером: склад обещал довести ценники и пакеты. Бумажный билет лежал на углу рядом с терминалом, когда они выбирали книгу. Перед уходом Тимур его не забрал — Лена помнила белый прямоугольник с синими цифрами. Теперь на стойке оставался только чистый след в пыли.

Она проверила ящик с деньгами, коробку чеков, полки у окна. Ничего больше не пропало. Замки не были повреждены. Запасной ключ находился у администратора вокзала, второй — у неё.

— Ночью уборка была? — спросила Лена у охранника дневной смены.

— В боковом зале после закрытия. Как всегда.

— В киоск никто не входил?

— Уборщица могла через окошко тряпкой пройти, если вы не закрыли створку.

Створку Лена закрыла. Она проверяла её дважды.

— Камера сюда смотрит?

Охранник указал на купол под потолком.

— На проход. Стойка краем попадает. Запись только по запросу администрации.

— Из-за билета запрос дадут?

— Если напишете заявление о краже билета, который не ваш и уже недействителен, нас всех надолго развеселите.

Он был прав. Лена вернулась в киоск и достала карточку из ящика. На ней крупным почерком было написано: «Кого я брошу, если уеду?»

Вопрос не исчез. Исчез только билет — документ маршрута, которым Тимур не воспользовался. Лена перевернула карточку текстом вниз и завела для неё прозрачный конверт из упаковки накладной. На конверте написала дату, время и одно слово: «разрешено».

Потом открыла журнал движения и внесла первую запись нового рода:

«00:18. Книга оплачена. Вопрос оставлен добровольно. Ответ не обещан».

Строка выглядела официально и от этого особенно нелепо. Лена перечеркнула её одной чертой, чтобы запись оставалась читаемой, и ниже написала проще:

«Тимур. Дневник о городских птицах. Забрал книгу, оставил вопрос».

Телефон завибрировал в кармане. Незнакомый номер.

«Это Тимур. Автобус успел. На пересадке прочитал сорок страниц. Птица всё-таки улетела, когда зажило крыло. Это не помогло решить».

Лена перечитала сообщение и почувствовала облегчение раньше, чем успела запретить себе. Он уехал. Значит, она могла считать разговор законченным. Но следом пришло второе сообщение:

«И хорошо. Брат утром взял трубку. Я сказал ему про собеседование, не спросил разрешения. Он выругался и попросил привезти магнит».

Лена ответила: «Книга не обязана помогать решать».

Тимур написал: «Тогда за что я заплатил?»

Она посмотрела на три вчерашних книги, на пустое место дневника и на конверт под стойкой.

«За книгу», — ответила Лена.

Через минуту он прислал фотографию: серое утро, стекло автобуса, раскрытая страница на коленях и край медицинского рюкзака. Внизу было написано: «Собеседование в десять. Обрато в шестнадцать двадцать. Если не возьмут — тоже обрато».

Лена не стала желать удачи. Удача звучала бы как одобрение маршрута. Она написала: «Билет лучше купить заранее».

Сообщение осталось непрочитанным.

Глава 3. Чужой вопрос

К десяти утра Лена успела доказать только одно: если вещь исчезла из запертого киоска, список подозреваемых получается короче, но неприятнее.

Она снова проверила ящик под кассой. Карточка Тимура лежала в прозрачном конверте, текстом вниз. Рядом были деньги для размена, запасная лента, печать и связка ценников. Ничего не пропало. Исчез только бумажный билет, оставленный на стойке.

Лена закрыла ящик и потянула за ручку. Замок держал.

Накануне вечером она сама дважды запирала дверь. Утром охранник сказал, что следов взлома нет. Запасной ключ, по договору, хранился в опечатанном пенале у дежурного администратора. Но слова «по договору» не означали, что кто-то действительно считал ключи.

Она достала чистый лист и написала сверху: «Доступ в киоск». Ниже провела четыре графы: имя, основание, время входа, время выхода. Потом остановилась. Журнал, заведённый после пропажи, не мог объяснить, кто входил до него.

В боковом зале пахло мокрой тканью и средством для пола. Уборщица в синем халате толкала машину вдоль стены. Лена узнала её: ночью та прошла мимо киоска за несколько минут до закрытия и махнула рукой через стекло.

— Простите, вы сегодня убирали возле киоска?

— Я сегодня убирала возле всего, — ответила женщина, не выключая машину. — Уточните квадратный метр.

— Внутрь заходили?

Женщина наконец отпустила рычаг. Гул стих, и вопрос прозвучал громче, чем Лене хотелось.

— У вас магазин или режимный объект?

— Магазин. Поэтому и спрашиваю.

— Я внутрь чужих магазинов не хожу. Стекло снаружи протёрла, пол под окном вымыла.

Ключей у меня нет.

— А кто ещё был в зале после закрытия?

— Охрана. Дежурный. Рая приходила за пакетом. Вы вроде тоже были.

— Какая Рая?

Уборщица посмотрела на неё уже внимательнее.

— Раиса Павловна. Вы ей позавчера разрешили коробки переставить. Она сказала, хозяйка знает.

Лена почувствовала, как внутри поднимается знакомое диспетчерское раздражение: не на человека, а на неполную запись. Позавчера, когда поставщик привёз книги раньше обещанного, Рая действительно помогла занести коробки. Лена была у кассы, дверь оставалась открытой. Потом Рая принесла термос и осталась разбирать тонкие издания на нижней полке. Никакого разрешения на следующий вход Лена не давала. Но и запрета не произнесла.

— Она была здесь ночью?

— У неё спросите. Я чужие смены не веду.

Это прозвучало справедливо. Лена поблагодарила и вернулась к киоску.

Раису Павловну на вокзале знали без фамилии. За двадцать семь лет в пассажирском депо она побывала проводницей, инструктором, старшей смены и человеком, которому звонили, когда в вагоне одновременно ломался титан, плакал ребёнок и требовал жалобную книгу пассажир из купе номер пять. Весной её вывели за штат после медкомиссии. Теперь она приходила на вокзал почти каждый день: приносила бывшим коллегам пирожки, забирала бельё у знакомой прачки, передавала новости, которые и без неё передавались прекрасно.

В первый день Лена не спросила, почему Рая помогает. Та увидела коробки, сняла пальто, велела не ставить книги на сырой пол и за двадцать минут сделала то, на что у Лены ушёл бы час. Благодарность показалась достаточным оформлением.

Теперь на стойке оставался чистый прямоугольник в пыли.

Лена взяла телефон. Номер Раи был записан как «Рая поезд 47», хотя сорок седьмой поезд уже два года ходил под другим номером.

— Раиса Павловна, доброе утро. Вы вчера после полуночи заходили в киоск?

— Доброе, если не считать твоего тона. За пакетом заходила.

— Каким ключом?

— Дверь открыта была.

— Я её заперла.

— Значит, открыла потом.

— Я не возвращалась.

В трубке зашуршало. Рая, вероятно, прикрыла микрофон ладонью, но Лена всё равно слышала мужской голос, объявление пригородного поезда и стук ложки о стакан.

— Ты сейчас где? — спросила Лена.

— В буфете. И не устраивай дознание по телефону. Через пять минут подойду.

Она пришла через три. На ней было старое форменное пальто без знаков различия и бордовый берет, который держался так уверенно, словно правила ношения формы распространялись и на него. В руке Рая несла бумажный стакан.

— Показывай убытки, — сказала она.

— Пропал билет.

— Железнодорожный?

— Бумажный. Недействительный.

— Тогда убытков нет.

— Он чужой.

— Всё на свете чьё-нибудь.

Рая поставила стакан на наружный подоконник, но Лена открыла дверь не сразу.

— Кто вам открыл?

— Никто. Я дёрнула дверь, она подалась. Ты створку закрыла, а нижнюю защёлку не довела. От сквозняка дверь и отошла.

— Почему вы не позвонили?

— Было за полночь. Я увидела пакет на полу, который сама оставила, забрала его и закрыла за собой.

— Что ещё вы трогали?

Рая подняла брови.

— Вот теперь похоже на дознание.

— На стойке лежал билет. Теперь его нет.

— Был билет. Я переложила.

Лена всё-таки открыла дверь.

— Куда?

— Подальше от мокрой тряпки. На край стеллажа.

— Там его нет.

— Значит, упал.

— Вы читали, что на нём написано?

— Расписание прочитала. Номер места не запомнила. Если это государственная тайна, печатать её таким крупным шрифтом не следовало.

— На обороте мог быть вопрос.

Рая посмотрела на карточку в прозрачном конверте, потом на Лену.

— Мог или был?

— Вопрос был на другой половине. Эта часть лежит в ящике.

— Тогда при чём здесь билет?

Лена не нашла короткого ответа. Пока Тимур стоял у окна, билет был просто доказательством поездки, которой он избежал. После исчезновения он сделался границей: кто-то мог войти, взять его и увидеть рядом карточку. Вопрос оставался на месте, но Лена уже не могла гарантировать, что его никто не читал.

— При том, что я обещала не читать без разрешения.

— А мне обещала?

— Вам — нет.

— Вот и первая ошибка.

Рая сняла пальто и повесила на крючок. Сделала она это по-хозяйски, и Лена сразу заметила вторую ошибку: у крючка уже было постоянное место для чужого пальто.

— Я вопрос не читала, — сказала Рая. — Карточка была текстом вниз. В ящик не лезла. Билет переставила, потому что собиралась протереть край. Потом увидела пакет, забрала и ушла. Можешь записать показания.

— Я не считаю, что вы украли билет.

— Очень щедро.

— Я хочу понять, кто имеет доступ.

— Тогда начни с тех, у кого есть ключи, а не с тех, кто помогал бесплатно.

Последнее слово Рая произнесла без нажима. Тем хуже: оно легло на стойку как счёт.

Лена достала фонарь из ящика с инструментами и присела у стеллажа. Между нижней полкой и стеной было сантиметров семь. Там лежали засохший лист, пластиковая скрепка и серый комок пыли. Билета не было.

— Вы уверены, что положили сюда?

— На второй ярус, рядом с зелёной книгой.

Лена сняла книги. Провела рукой по полке, заглянула за заднюю стенку. Стеллаж был собран из тонких металлических секций; одна стояла с перекосом, и между ней и панелью киоска оставалась щель.

Рая молча взяла у неё фонарь, опустилась на колени и посветила сбоку.

— Вон белеет.

Под дальней ножкой действительно виднелся угол бумаги. До него нельзя было дотянуться рукой. Лена принесла со склада линейку, но только загнала находку глубже. Рая выпрямила проволочную ручку бумажного пакета, сделала крючок и вытянула сначала старую квитанцию, потом билет.

Бумага была сухой, только край посерел от пыли. Синие цифры не расплылись. Имя пассажира читалось, место и время отправления тоже.

— Сквозняк, — сказала Рая. — Дверь отошла, воздух потянул под стеллаж. Здесь всегда тянет, когда ночной вход закрывают.

Лена взяла билет за самый край. Никакой кражи не было. Никто не искал чужой вопрос. Рая вошла через незапертую дверь, сделала привычное полезное дело, переставила чужую вещь и ушла, не сообщив. Каждая часть истории была обыкновенной. Вместе они означали, что у Лены нет ни контроля доступа, ни правил хранения, ни права обещать конфиденциальность.

— Извините, — сказала она.

— За что именно?

— За подозрение.

— Подозревать следовало. Обвинять — нет. Ты не обвинила.

Рая вернула проволоку в пакет и разгладила ручку, хотя пользоваться ею теперь было нельзя.

— А ещё?

Лена поняла, что отделаться одним извинением не получится.

— За то, что считала вашу помощь чем-то само собой разумеющимся.

— Уже ближе.

— Я не просила приходить ночью.

— А днём просила разбирать книги, принимать коробки и сидеть у окна, пока бегала в налоговую.

— Вы сами предложили.

— Конечно. Я двадцать семь лет сама предлагала. Потом мне аннулировали пропуск, и оказалось, что моя полезность заканчивалась в ту минуту, когда турникет перестал узнавать карточку.

Лена посмотрела на её пальто. На месте служебной нашивки остались более тёмные проколы.

— Я думала, пропуск просто просрочен.

— Просроченный можно продлить. Мой аннулирован. Медкомиссия не допустила к рейсам, кадровики закрыли доступ в служебные помещения. Всё правильно, между прочим. Нечего человеку без смены ходить по служебному коридору. Только вокзал привык ко мне не меньше, чем я к нему. Теперь охранники пускают по знакомству, а я делаю вид, будто пришла по делу.

— Как вы попали в боковой зал ночью?

— Через пассажирский вход. Он был ещё открыт. В служебный я не заходила.

— Но сказали уборщице, что я разрешила.

— Ты разрешила помогать.

— Позавчера. При мне.

Рая поджала губы.

— Значит, я тоже решила за другого человека, что разрешение бессрочное.

Это признание прозвучало без оправдания. Лена села на складной стул. Второго в киоске не было, и Рая осталась стоять.

— Я могу оформить вам пропуск от арендатора, — сказала Лена.

— Бесплатной помощнице?

— Помощнику на несколько часов.

— Нет такой должности — несколько часов доброты.

— Тогда продавцу по договору.

— Вот это можно обсуждать.

Лена автоматически потянулась к калькулятору, но остановилась. Если посчитать вслух, получалось мало. Если не считать — нечестно.

— Полную ставку я сейчас не потяну. Могу оплачивать одну ночную смену в неделю и подмены по отдельному согласованию. Официально. После проверки требований и оформления.

— Не «потом разберёмся»?

— Нет. До оформления вы не работаете за кассой и не остаётесь одна в киоске.

— А коробки?

— Тоже не носите.

— Жестокий работодатель.

— Осторожный.

Рая усмехнулась и наконец взяла стакан. Кофе, вероятно, остыл, но она выпила.

— Одна смена в неделю, — сказала она. — Не больше. И если твои посетители начнут просить меня решить, разводиться им или нет, я буду продавать им расписание автобусов.

— Мы продаём книги.

— Значит, книгу с автобусом на обложке.

Они ещё не заключили договор, но привычный порядок уже изменился. Рая не была больше человеком, который мог зайти, потому что хотел быть полезным. Она становилась человеком, чьё время имело цену и границы.

Лена положила найденный билет в отдельный конверт. На нём написала: «Собственность Тимура Сафина. Вернуть при обращении». Потом достала карточку с вопросом и замерла.

— Он разрешил прочитать после ухода, — сказала она. — Но только мне или любому сотруднику? Я не уточнила.

— Если не уточнила, считай, что только тебе. Чужое разрешение расширять нельзя.

— А хранить разрешил?

— Спроси.

Тимур не отвечал уже два часа. Собеседование должно было закончиться, но Лена не знала, сел ли он на обратный автобус. Она набрала сообщение: «Ваш билет нашёлся в киоске. Вопрос хранится отдельно. Подтвердите, пожалуйста: можно ли его читать только мне или также официальным сотрудникам? И до какого срока хранить?»

Рая прочитала сообщение через её плечо.

— А если не ответит?

— Верну вопрос непрочитанным, когда придёт. Если не придёт — уничтожу через срок, который укажу в правилах.

— Какой срок?

Лена посмотрела на календарь. Месяц казался слишком долгим для бумаги, которую человек оставил в минуту сомнения, и слишком коротким для того, кто жил в другом городе.

— Тридцать дней после последнего обращения. Но сначала никому не обещаю, пока не проверю, как это оформить.

Она взяла новый лист и написала:

«Вопрос остаётся добровольно. Автор выбирает один вариант:

1. Можно прочитать владельцу киоска после моего ухода.
2. Можно прочитать сотрудникам киоска после моего ухода.
3. Нельзя читать; прошу хранить до моего возвращения.

Срок хранения — тридцать дней, если автор не забрал вопрос и не договорился иначе. Публикация и передача третьим лицам запрещены».

Рая прочитала.

— Звучит так, будто сдаёшь анализы.

— Зато понятно.

— Люди после полуночи не любят анкеты.

— Тогда могут не оставлять вопрос.

— Это хорошее правило.

Лена приклеила лист к внутренней стороне стойки, не на стекло: снаружи он выглядел бы рекламой услуги, которой киоск не оказывал. Рядом положила маленькие карточки с тремя пустыми квадратами. Старую карточку Тимура оставила в конверте без отметки. Новые правила не могли задним числом изменить его согласие.

После обеда она пошла к дежурному администратору. Пенал с запасным ключом оказался не опечатан: полоска бумаги лопнула у сгиба и держалась на одном крае. Администратор уверял, что ключ не выдавали.

— Записи есть?

— Если бы выдавали, была бы запись.

— А кто проверяет пенал?

— При передаче смены.

— Сегодня проверяли?

— Визуально.

Лена положила рядом свой новый журнал.

— Я хочу, чтобы каждый вход в киоск записывался здесь. Включая аварийный доступ вашим ключом.

Администратор полистал пустые страницы.

— Вы создаёте нам дополнительную обязанность.

— Нет. Я фиксирую обязанность, которая уже есть в договоре. Запасной ключ хранится у вас для аварийного доступа, а не просто лежит.

— Согласуйте с Кругловым.

— Согласую.

— И пенал сами не меняйте. Он наш.

— Тогда замените пломбу сегодня.

Администратор вздохнул, позвонил технику и при Лене записал заявку. Это было небольшое достижение, но оно не отменяло того, что собственную дверь она оставила незапертой.

В киоске Рая сортировала закладки по цвету.

— Вы не должны работать до оформления, — сказала Лена.

— Я не работаю. Я сижу и порчу тебе систему цветов.

— Вы стоите.

— Тогда порчу стоя.

Лена забрала у неё закладки и поставила второй складной стул из подсобки. На сиденье приклеила бумажку «не имущество вокзала», чтобы никто не унёс его обратно.

— Сегодня вы гость, — сказала она. — Гостям можно сидеть.

— И сколько длится гостевой визит?

— До начала моей смены.

— А потом?

— Потом киоск открыт покупателям. Вы можете остаться покупателем или уйти.

Рая посмотрела на полки.

— Самую дешёвую книгу покажи.

— Это не плата за стул.

— Знаю. Я хочу проверить, умеешь ли ты продавать человеку, который знает закупочную цену.

Лена предложила ей тонкий сборник рассказов местного издательства. Рая прочла первую страницу, вторую, потом вернулась к первой.

— Беру. Но скидку сотрудника не требую, пока не сотрудник.

— У нас нет скидки сотрудника.

— Появится. Иначе ты сама у себя всё купишь.

Первая продажа дня оказалась Рае. Чек она сложила вчетверо и спрятала в кошелек. Книгу убрала в сумку, не попросив завернуть. Этим жестом она словно оплатила не право остаться, а право уйти тогда, когда захочет.

В 21:40 Лена открыла створку. В проходе было тихо. Дневной поток закончился, до последней электрички оставалось больше двух часов. Рая сидела снаружи на стуле и читала купленный сборник.

— Гость мешает торговле? — спросила она.

— Пока торговли нет — трудно установить.

— Вот поэтому тебе нужна сменщица. Одной скучно даже убытки нести.

— Вы соглашались не на спасение бизнеса.

— Я соглашалась на одну смену. Это ты уже называешь меня спасением.

Лена хотела возразить, но в этот момент телефон показал сообщение от Тимура.

«Работу предложили. Ответ дам через три дня. Вопрос можете читать только вы. Хранить до моего возвращения, максимум месяц. Билет выбросьте».

Следом пришло второе:

«Нет, билет тоже оставьте. Хочу увидеть, как выглядит неиспользованный маршрут после того, как всё-таки уехал».

Лена поставила на карточке отметку в первом квадрате, вписала срок и убрала оба конверта в ящик. В журнале хранения появилась первая строка: имя, дата, предел доступа, срок возврата. Отдельно она записала, что билет найден под стеллажом и никому не передавался.

— Ответил? — спросила Рая.

— Ответил.

— Тогда можно прочитать?

— Мне можно.

— А мне?

— Нет.

Рая кивнула без обиды и снова открыла книгу. Лена достала карточку, прочитала вопрос второй раз: «Кого я брошу, если уеду?» Теперь он не требовал от неё ответа. Он только принадлежал человеку, который на три дня отложил решение и впервые сообщил брату, что будет решать сам.

Лена вернула карточку в конверт.

Около десяти подошёл охранник и передал сложенный лист.

— От Круглова. Просил расписаться.

Это было уведомление о внеплановой проверке ночного режима. В перечне стояли замки, аварийный доступ, кассовая дисциплина, освещение, нахождение посторонних после закрытия и соблюдение границ арендуемой площади. Проверка назначалась на следующий вечер, с двадцати двух до ухода последней электрички.

Внизу от руки было добавлено: «Причина — незапертая дверь и присутствие лица без оформленного допуска».

Лена подняла глаза на Раю.

— Быстро у вас разносятся новости.

— На вокзале расписание иногда узнают позже сплетни.

— Круглов знает, что вы заходили.

— Я сама сказала администратору, когда ты пошла менять пломбу. Иначе он решил бы, что дверь открывал неизвестный.

— Вы могли предупредить меня.

— Могла. Но тогда это снова была бы бесплатная помощь. А мы договорились, что она закончилась.

Лена перечитала уведомление. Её первой мыслью было убрать второй стул, спрятать журнал вопросов и попросить Раю завтра не приходить. Киоск выглядел бы проще: одна хозяйка, одна касса, никаких посетителей после закрытия. Проверяющему проще показать пустое помещение, чем объяснить, зачем люди задерживаются у окна.

Потом она увидела лопнувшую пломбу, которую техник оставил на стойке как доказательство замены. Если спрятать всё неудобное, безопасность останется только видом безопасности.

— Завтра не приходите как сотрудник, — сказала Лена. — Договор мы не успеем оформить.

— Разумно.

— Но если хотите прийти как свидетель того, что дверь была открыта, приходите. Ничего не продавайте и не заходите за стойку.

— А книгу читать можно?

— В пассажирской зоне — можно.

— Тогда приду. Свидетелям платят?

— Нет.

— Отлично. Значит, смогу уйти сразу после показаний.

Рая надела пальто и забрала стул из прохода. Лена хотела сказать, что сама уберёт, но сдержалась: не всякое действие было трудом, который следовало запретить. Иногда человек просто уносил стул, на котором сидел.

Перед уходом Рая постучала ногтем по журналу доступа.

— Запиши меня.

— Вы не входили за стойку после того, как журнал появился.

— Утром входила. Пусть первая запись будет с объяснением, почему сделана задним числом.

Лена вписала: «Раиса Павловна Белова. Вход через незапертую дверь после 00:18, забрала личный пакет, переложила билет со стойки, закрыла дверь. Запись внесена после обнаружения события». Рая прочитала и поставила подпись.

— Фамилию хоть теперь запомнишь, — сказала она.

Лена посмотрела на контакт «Рая поезд 47» и переименовала его: «Раиса Белова».

В 00:18 последняя электричка ушла по расписанию. Покупателей за ночь было двое: Рая и мужчина, взявший атлас автомобильных дорог в подарок отцу. Никто не оставил вопроса. Выручка не покрывала даже четверти стоимости будущей смены, о которой они договорились.

Лена закрыла створку, защёлкнула нижний фиксатор и проверила его рукой. Потом заперла дверь, потянула на себя, отошла на два шага и вернулась проверить ещё раз.

— Третий раз ничего не меняет, — сказал охранник.

— Меняет. Теперь я знаю, что проверила из-за тревоги, а не по процедуре.

Она открыла журнал и записала время закрытия, номер пломбы запасного ключа и результат проверки замка. Под записью оставалось много пустых строк.

Завтра Круглов должен был решить, достаточно ли этих строк, чтобы киоск продолжал работать ночью.

Глава 4. Свет в окне

К шести вечера Лена успела трижды переставить книги на передней полке и ни разу не сделала её убедительнее.

Сборники в мягких обложках выглядели слишком дешёвыми, альбомы — слишком дорогими, а путеводители по городам, куда из Бережска не ходили прямые поезда, напоминали о чужом ассортименте. На краю стойки лежали отчёты за первые ночи. Если положить листы ровно, цифры читались сразу: в одну смену — четыре покупки, в другую — одна, вчера — две. Если накрыть их журналом доступа, оставалось видно только верхнюю строку с датой и аккуратной подписью.

Лена сдвинула журнал в сторону.

Круглов придёт не покупать. От перестановки книг выручка не вырастет, а пустые часы не станут занятыми. Можно было попросить Раю и ещё кого-нибудь пройти мимо окна во время проверки. Можно провести через кассу собственные деньги, купить несколько книг, а утром оформить возврат. Даже мысль складывалась легко, как знакомый служебный манёвр: если показатель неудобен, нужно не спорить с ним, а изменить условия, при которых его снимают.

Она выбрала с полки атлас, пробила название глазами и вернула на место.

На железной стенке за кассой висел лист с расписанием проверки. Ниже Лена дописала от руки: «Фактическая выручка. Без контрольных покупок владельца». Потом сняла лист. Круглов мог принять пояснение за демонстративную честность, а она не собиралась получать баллы за то, что не подделала кассу.

В половине седьмого пришёл мастер устанавливать дополнительный светильник над внутренней полкой. Старый плафон освещал только окно и кассу, а у задней стены Лена разбирала коробки почти на ощупь. Мастер поставил стремянку, оглядел провод и спросил:

— Питание откуда берём?

— Здесь одна внутренняя розетка, но она занята кассой. Для лампы раньше тянули удлинитель отсюда.

Лена показала белый провод, уходивший через отверстие в перегородке к цветочному павильону. Он был здесь ещё при первом осмотре. Круглов тогда сказал, что прежние арендаторы договаривались между собой, а Света запретила пользоваться её электричеством. После открытия Лена не включала старую настольную лампу и решила, что на этом вопрос закрыт.

Мастер присел у стены и потянул провод.

— А вывеска ваша куда подключена?

Лена посмотрела на тёплый прямоугольник над окном. Вывеска горела каждый вечер с момента открытия. Её выключатель находился внутри киоска, рядом с кассой, но кабель исчезал в той же перегородке.

— Должна быть на моей линии.

— Должна — это в документах. А тут она на соседской. Внутренний автомат выключаю — свет остаётся. Хотите, покажу.

Он щёлкнул тумблером. Касса погасла, плафон погас, маленький обогреватель умолк. Надпись «КНИГИ» продолжала светиться янтарным.

В проходе появилась Света. Она несла ведро с водой и связку хризантем, но остановилась так резко, что вода качнулась у края.

— Что вы делаете?

— Проверяем питание, — ответила Лена.

— Моё питание?

Мастер слез со стремянки.

— Я ничего не подключал. Только установил, куда заведено старое.

Света поставила ведро на пол и нажала выключатель в своём павильоне. Вывеска погасла. Снова нажала — зажглась.

— Я сказала вам в первый день: моей розеткой не пользоваться.

— Я не знала, что вывеска подключена к вашей линии.

— Но свет видели.

— Видела.

— И ни разу не спросили, откуда он берётся.

У Лены уже был готов ответ: объект передали ей с действующей вывеской, схема подключения отсутствовала, за техническое состояние отвечал арендодатель. Всё это могло оказаться правдой. Ни одна фраза не меняла простого факта: каждую ночь над киоском горел свет, за который платила Света.

— Не спросила, — сказала Лена. — Это моя ошибка.

Света подхватила ведро.

— Тогда выключайте. И отверстие закрывайте. Сегодня.

— Выключу. Но сначала давайте посчитаем, сколько я вам должна.

— Мне не нужны ваши десять рублей.

— А мне не нужен бесплатный свет.

— Очень вовремя.

Света ушла в павильон. Между цветами и книгами опустилась её металлическая решётка, хотя до конца дневной торговли оставалось больше часа.

Мастер покрутил в руках отвёртку.

— Новую линию за вечер не сделаю. Нужно согласование, кабель-канал, автомат. Да и щит у вас старый. Могу снять вывеску с соседской розетки и оставить тёмной.

— Снимайте. Внутренний светильник можно поставить без неё?

— Если обогреватель не включать одновременно. Но я бы сначала нагрузку замерил.

Лена записала его замечание в блокнот. Проверка начиналась в двадцать два. Без вывески киоск оставался законным, но из пассажирского зала его окно выглядело закрытым. Она поймала себя на желании попросить мастера ничего не трогать до ухода Круглова. Ещё два часа чужого электричества — почти незаметная сумма. Именно из таких незаметных сумм получалась привычка считать границы условными.

— Отключайте сейчас.

Когда мастер закончил, над окном остался серый короб с тёмными буквами. Внутренний плафон делал стекло светлым, но полки за ним растворялись в тени. Лена заплатила за вызов, получила акт замера и увидела первую новую расходную строку ещё до проверки.

Она закрыла киоск на пять минут и пошла к Свете.

В цветочном павильоне пахло мокрыми стеблями и холодным металлом. Света обрезала листья у хризантем, складывая их в чёрный пакет. Разговаривать она не предложила.

— Вывеску отключили, — сказала Лена. — Вот замер мастера. Семнадцать ватт, в среднем два часа тридцать восемь минут за смену, шесть смен. Получается меньше киловатт-часа. Я оплачу по вашему тарифу и добавлю стоимость участия электрика, если он понадобится для проверки линии.

— Я сказала, что не нужны мне ваши десять рублей.

— Тогда чего вы хотите?

Света положила нож на прилавок.

— Чтобы вы перестали делать вид, будто здесь всё ничьё. Стул из подсобки ничей. Провод в стене ничей. Площадка перед окном ничья. Ночью вам надо — вы берёте, утром всем остальным разбираться.

— Площадку я не занимала.

— Вчера занимали. Женщина сидела перед вашим окном. Люди обходили её и вставляли у моих ведер.

— Рая сидела до начала смены.

— Проход от этого шире не стал.

Лена хотела напомнить, что Светины ведра сами выступали за линию павильона. На полу действительно оставались круглые следы воды в пассажирской зоне. Если начать перечислять нарушения друг друга, договор получится длинным и бесполезным.

— Хорошо. Стул только внутри границы киоска или у глухой стены, если администрация разрешит. Вывеска — только по соглашению и после проверки проводки. Что ещё?

— Никаких удлинителей через мой павильон. Если пользуетесь линией — отдельный счётчик.

— Ставить его ради вывески дороже новой линии.

— Значит, делайте новую.

— До согласования она будет тёмной. Но сегодня проверка ночного режима. Круглов должен видеть окно из зала.

— А мои цветы должны видеть покупатели с утра. Я за свет плачу не для вашей проверки.

В этом и был настоящий спор. Не о нескольких ваттах, а о том, что Лена снова объявила свой срочный случай важнее чужого обычного дня.

— Вы правы, — сказала она. — Проверка — моя проблема.

Света снова взяла нож, но резать не стала.

— И что теперь?

— Теперь я предлагаю платное временное соглашение на неделю. Не за розетку вообще, а только за вывеску: с двадцати одного тридцати пяти до нуля двадцати пяти. Фиксированная сумма с запасом выше расчётного потребления. Мастер сегодня проверит соединение и поставит отдельный выключатель с индикатором. Через неделю либо будет согласован мой кабель, либо вывеска останется отключённой. Всё письменно. Если вы откажетесь, я проведу проверку без неё.

— С запасом — это сколько?

Лена назвала сумму. Света усмехнулась:

— За такие деньги можно фонарём буквы подсвечивать.

— Можно. Но фонарь будет стоять в проходе, а это ещё хуже.

— А если ваш провод замкнёт и у меня холодильник отключится?

— Поэтому мастер проверяет участок до включения. Если он не подпишет акт, соглашения нет.

— И никакого «потом сочтёмся»?

— Оплата сегодня переводом на расчётный счёт по счёту или чеку. Как вам правильно.

Света посмотрела на тёмные буквы за стеклом.

— Вы бы могли просто сказать Круглову, что вывеска перегорела.

— Могла бы. Но она не перегорела.

— Не люблю людей, которые внезапно становятся честными перед проверкой.

— Я тоже. Поэтому в соглашении будет указано, что до сегодняшнего дня подключение использовалось без учёта по моей ошибке и сумма за прошлые смены возмещена.

Света долго молчала, потом вытащила из-под кассы папку с договорами.

— На неделю, — сказала она. — И проход свободен. Если ваш стул окажется у моих цветов, соглашение прекращается.

Они написали условия на одном листе, сфотографировали, подписали два экземпляра и вызвали мастера обратно. Он проверил кабель, заменил скрутку в коробке на клемму и поставил маленький счётчик нагрузки. Лена оплатила работы и временное пользование линией. В двадцать один тридцать пять Света сама включила вывеску.

— Не радуйтесь, — сказала она. — Это не дружба.

— Это договор.

— Договоры иногда надёжнее.

К началу смены расходы за день превысили всю вчерашнюю выручку.

Лена внесла их в таблицу и открыла створку в 21:40. На стойке лежали кассовые отчёты, журнал доступа, акт электрика, соглашение со Светой и уведомление о проверке. Она не стала убирать дешёвые книги и выдвигать вперёд дорогие. Первый покупатель всё равно спросил тонкую тетрадь sudoku. Второй долго листал альбом о деревянных домах и ушёл, увидев цену.

В 21:58 появилась Рая. На ней было пальто, в руках — вчерашний сборник и сложенный стул.

— Я его вернула в подсобку, — сказала она. — Сегодня принесла свой.

— Ставить нельзя. Проход должен оставаться свободным.

— Тогда зачем несла?

— Чтобы услышать новое правило.

Рая убрала стул к стене за границей павильонов и осталась стоять.

— Продавать не буду, за стойку не зайду, посетителей не изображаю. Свидетелем быть можно?

— Можно. Но Круглов может вас не спрашивать.

— Тогда дочитаю стоя.

Она открыла книгу. Света за решёткой считала букеты и делала вид, что не слушает.

Круглов пришёл ровно в двадцать два. С ним были дежурный администратор и начальник смены охраны — широкоплечий мужчина с седой полосой в коротких волосах. Круглов не посмотрел на переднюю полку. Сначала остановился в десяти шагах от киоска, проверил, видна ли створка из зала, потом прошёл к боковой двери и вернулся вдоль стены.

— Вывеска сегодня ярче, — заметил он.

— Сегодня выяснилось, что она была подключена к линии соседнего павильона, — сказала Лена. — Использование за прошлые смены возмещено. Вот временное соглашение на неделю и акт электрика. Параллельно подаю заявку на отдельную линию.

Света отперла решётку на ширину ладони.

— Подтверждаю. До нуля двадцати пяти, не дольше. За проход тоже договорились.

Круглов прочитал лист, посмотрел на счётчик и вернул экземпляр Лене.

— В договоре аренды межарендаторские подключения не предусмотрены.

— Но и не запрещены, — сказала Света.

— До заключения техника нужно письменное согласование службы эксплуатации. Сегодня не отключаю: акт безопасности есть, нагрузка мала. Завтра подайте заявку обе. Временное решение не становится постоянным потому, что его записали на бумаге.

— Я и не хочу постоянное, — ответила Света. — Мне чужая вывеска в счёте не нужна.

Круглов сделал пометку в бланке.

— Хорошо. Покажите закрытие кассовой смены.

— Смена ещё открыта.

— Покажите процедуру, не закрывая её.

Лена объяснила: чек при каждой продаже, сверка наличных и безналичных оплат после 00:18, отчёт о закрытии, деньги в запираемый ящик, расходования — отдельной записью. Круглов попросил последнюю сверку. Семь продаж, возвратов нет, сумма совпала.

— А это? — Он указал на атлас, который лежал чуть в стороне.

— Хотела купить его сама, чтобы увеличить выручку перед проверкой. Не купила.

Администратор поднял голову от журнала.

— Зачем вы это сообщаете?

— Чтобы не объяснять потом, почему книга отложена у кассы.

Круглов перелистнул отчёты.

— Контрольная покупка владельца сама по себе не нарушение, если чек настоящий и товар действительно передан. Возврат на следующий день ради показателя уже исказил бы картину. Но меня сейчас интересует не прибыльность.

— В уведомлении есть кассовая дисциплина.

— Дисциплина — это не большая выручка. Это возможность установить, откуда взялся каждый рубль. У вас наличные хранятся вместе с личными деньгами?

Лена достала кошелек из сумки. Он лежал в нижнем ящике рядом с кассовым лотком.

— Получается, вместе.

— Тогда процедура непрозрачна. Завтра поставьте отдельный запираемый короб для наличной выручки. Личные покупки оформляйте с пометкой в журнале, если продолжите их делать во время своей смены. И никаких внесений в кассу без основания.

Лена записала требования. Раньше ей казалось, что прозрачная касса означает правильные чеки. Теперь выяснялось: даже совпавшая сумма ничего не доказывает, если рядом лежат её собственные купюры.

Начальник охраны тем временем проверил дверь. Попросил Лену запереть её, дернул ручку, сверил номер пломбы запасного ключа. Потом встал внутри киоска, а её отправил к окну.

— Представьте, что посетитель угрожает вам и перекрывает выход, — сказал он. — Как подадите сигнал?

— Телефон. Номер охраны в быстром наборе.

— Телефон где?

Он лежал у кассы, в двух шагах от Лены и в одном шаге от воображаемого посетителя.

— Здесь.

— А если его выбьют из рук?

— Позову.

— Через стекло и музыку в зале вас могут не услышать. Стационарная тревожная кнопка есть?

— Нет.

— Значит, нужен носимый брелок. Не на стойке, а на вас. С привязкой к посту охраны и проверкой перед каждой сменой.

— Сколько это стоит?

Круглов назвал подключение и ежемесячную плату. Лена машинально сложила сумму с сегодняшним электриком, коробом для кассы и будущей оплатой одной смены Раи. Получился ещё один кусок компенсации, который не вернётся к дате переезда.

— Есть более дешёвый вариант?

— Закрывать до двадцати двух, — сказал начальник охраны. — После снижения потока носимый вызов обязателен для одинокой торговой точки.

— В договоре этого не было.

— В договоре было соблюдение действующей схемы безопасности. После события с незапертой дверью мы проверили фактический риск.

Рая закрыла книгу.

— Дверь оставила незапертой Лена. Почему брелок защищает от этого?

Круглов повернулся к ней.

— Никак. От незапертой двери защищает процедура закрытия. Брелок нужен от другого риска, который обнаружился во время проверки.

— Удобно. Проверяете одно — находите три новых платежа.

— Неудобно, — ответил Круглов. — Поэтому пустой киоск и не сдавали ночью два года.

Рая хотела продолжить, но Лена подняла ладонь.

— Требование письменно дадите?

— Сегодня в акте. На подключение — три рабочих дня. До установки можете работать, если охранник делает обход у окна каждые двадцать минут и вы держите телефон при себе. Это временная мера, не постоянная льгота.

— Принимаю.

Слово далось тяжелее, чем оплата электричества. Свет в окне можно было измерить ваттами. Риск, что однажды понадобится кнопка, нельзя было ни доказать, ни отменить удачной ночью.

Проверка продолжилась. Круглов измерил свободный проход, убрал второй складной стул внутрь киоска и потребовал обозначить на полу границу, за которую нельзя выставлять коробки. Администратор сверил журнал доступа с заявкой на замену пломбы. Начальник охраны попросил показать, что Лена делает после ухода электрички.

— В 00:18 закрываю створку, проверяю зал, закрываю кассовую смену, выключаю оборудование, запираю дверь и ухожу через основной выход до закрытия бокового зала.

— А посетители?

— Покидают зону у киоска до закрытия.

— Формулировка неточная, — сказал Круглов. — Вчера Белова оставалась после начала вашей смены.

— Как покупатель. Она приобрела книгу.

— Покупатель может находиться в пассажирском зале, пока зал открыт. Но после 00:18 вы не оставляете никого внутри киоска, за стойкой или у закрытого окна под вашим присмотром. Киоск не зал ожидания и не ночлег.

— А если человеку плохо?

— Вызываете дежурного и медпункт. Не запираетесь с ним здесь.

— Если он пропустил поезд и ждёт автобус?

— Официальный круглосуточный зал или улица, в зависимости от билета и режима доступа. Вы не можете самостоятельно продлевать работу вокзала.

— Я и не продлеваю.

— Тогда запишите прямо: после закрытия посетители не остаются. Ни за покупку, ни за помощь, ни потому, что знакомы с владельцем.

Лена написала правило на чистом листе. Рядом добавила: «При уязвимом состоянии — вызвать уполномоченную службу, не оставлять человека без передачи». Круглов прочитал и кивнул.

— Это разумно. Запрет не означает выгнать человека в опасности. Он означает не придумывать частный приют без условий и ответственности.

— А если зал уже закрывают, а служба не пришла?

— Дежурный принимает решение и фиксирует его. Не вы одна.

Последние два слова Лена услышала отчётливее остальных.

В 23:06 проверяющие закончили осмотр. В акте стояло «условное соответствие». До следующего понедельника требовалось подключить тревожный брелок, разделить личные деньги и выручку, согласовать электропитание вывески и разместить правило о посетителях после закрытия. До исполнения ночной режим сохранялся при усиленных обходах.

— Значит, вы не закрываете киоск? — спросила Рая.

— Не закрываем, — сказал Круглов. — И не объявляем безопасным навсегда. Есть разница.

Он подписал акт и протянул Лене.

— Экономiku проверит не комиссия, а февраль. Сегодня выручка какая?

Лена назвала сумму. Она была меньше стоимости вызова мастера в четыре раза.

— Неплохо для часа, — заметил администратор.

— Это за все продажи с открытия смены. И две покупки были до вашего прихода.

— Могли не уточнять, — сказал он.

— Могла.

Круглов застегнул папку.

— Не пытайтесь выглядеть прибыльнее передо мной. Если точка убыточна, красивая касса этого не исправит. Но и общественная польза не отменяет счёт. К весне понадобятся оба доказательства.

Проверяющие ушли. Рая подождала, пока они скроются за турникетами, и спросила:

— Ну что, законная теперь?

— Условно.

— Самое дорогое слово в языке.

Света открыла решётку и передала Лене её экземпляр соглашения. Внизу она дописала показание маленького счётчика на момент включения.

— Завтра подадим заявку вместе, — сказала она. — Если каждый понесёт свою, эксплуатация будет пересылать нас друг к другу неделю.

— Спасибо.

— Это не бесплатно. Вы оплатите прокладку своей линии.

— Я поняла.

— И больше никаких стульев перед цветами.

— Это уже в правилах.

Света посмотрела на лист о запрете оставаться после закрытия.

— У вас правил скоро будет больше, чем книг.

— Книги хотя бы можно продать.

— Правила тоже продают. Только покупатель узнаёт цену позже.

Она выключила свет в павильоне и ушла через служебный коридор. Вывеска киоска продолжала гореть по соглашению. Теперь её тёплый свет казался Лене не уютом, а счётом, который отсчитывал минуты.

До 00:10 подошли ещё трое. Женщина купила раскраску для взрослой дочери, мужчина спросил расписание автобусов и ничего не взял, школьник в тёмной куртке долго стоял у полки с учебными справочниками. Он был худой, с мокрой чёлкой и рюкзаком, набитым так плотно, будто внутри лежали кирпичи.

— Вам подсказать? — спросила Лена.

— Алгебра за десятый класс есть?

— Есть задачник и справочник. Задачник новый, справочник комиссионный, дешевле.

Он сравнил цены и выбрал комиссионный. Достал мятые купюры, пересчитал дважды. После чека осталось несколько монет.

— Илья, быстрее, — окликнул охранник из прохода. — Последняя через семь минут.

— Я не на неё.

— Тогда зал скоро закрывается.

Илья убрал справочник в рюкзак и не ушёл. За стеклом на его рукаве темнели капли дождя.

— Автобус на Сосновую во сколько? — спросила Лена.

— Первый в пять двадцать.

— Круглосуточный зал с другой стороны. Если есть билет на утренний поезд, можно пройти через главный вход.

— У меня нет билета.

— Тогда где вы обычно ждёте?

Он пожал плечами.

— В переходе. Там дверь от ветра есть.

Громкоговоритель объявил последнюю электричку. Люди ускорились к платформе. Илья отступил от окна, пропуская мужчину с чемоданом, но остался рядом.

— Вам есть восемнадцать? — спросила Лена.

— Почти.

— Это сколько?

— Семнадцать. В декабре будет восемнадцать.

Лена посмотрела на новый лист правил. «После закрытия посетители не остаются». Чернила ещё блестели. Рядом лежал акт с условным одобрением, а внизу — сумма за тревожный брелок.

— Родителям можно позвонить?

— Мама на смене. Телефон в шкафчике держит. Она утром приедет.

— Где работает?

Илья сразу насторожился.

— Я ничего не украл.

— Я не сказала, что украли.

— Охрана всегда спрашивает, где работает мать, потом говорит, чтобы забирала. Она не может уйти.

На платформе хлопнули двери. Электричка тронулась, красные огни поплыли мимо тёмного окна. Часы над залом показали 00:18.

Лена закрыла кассовую створку наполовину.

— Киоск сейчас закрывается, — сказала она.

Илья кивнул так, словно другого ответа и не ждал. Застегнул куртку до подбородка и повернулся к переходу.

Потом остановился.

— А внутри нельзя? — спросил он, не глядя на Лену. — Я тихо. До пяти. Даже свет не нужен.

За её спиной помещался один складной стул. Дверь запиралась изнутри. В киоске было тепло, а тревожного брелока ещё не было.

Лена опустила створку до конца, но замок не повернула.

Глава 5. После полуночи

Лена не повернула замок.

За закрытой створкой Илья уже не видел её лица. Она видела его через боковое стекло: рюкзак на одном плече, ладонь на лямке, взгляд в сторону перехода. До того места было семь минут пешком. Дождь забивал под козырёк, и автоматические двери открывались всякий раз, когда к ним подходил последний пассажир.

Правило, написанное двадцать минут назад, не отвечало, куда девать человека после слова «нельзя».

Лена снова подняла створку на ладонь.

— Илья.

Он обернулся.

— Внутри киоска остаться нельзя. Мне нужно закрыть его и уйти.

— Я понял.

— Но в переход сейчас не иди. Подожди у окна, пока я позову дежурного.

— Зачем?

— Чтобы найти место, где можно ждать законно и в тепле.

— Они скажут купить билет.

— Возможно. Тогда будем искать другой вариант.

— Я денег больше не дам.

— Я не прошу.

Илья посмотрел на справочник, торчавший из рюкзака. Будто покупка уже доказала, что деньги у него были, и теперь каждый взрослый имел право решить, на что их следовало потратить.

— Только охрану не зовите, — сказал он.

— Без дежурного я не могу провести тебя в закрывающуюся часть вокзала.

— Тогда я пойду.

— Ты можешь уйти. Я не имею права удерживать. Но ты несовершеннолетний, ночь, дождь, и до первого автобуса пять часов. Если я просто посмотрю, как ты уходишь в переход, это будет не уважение к твоему выбору, а удобство для меня.

— Мне семнадцать, а не семь.

— Поэтому я сначала разговариваю с тобой, а не звоню куда-нибудь тайком.

Илья переместил рюкзак на другое плечо.

— Что вы хотите узнать?

— Можно ли сообщить дежурному твоё имя и возраст?

— Возраст он и так спросит.

— Это согласие или прогноз?

Он помолчал.

— Можно. Только адрес не говорите.

— Я его не знаю.

— И маме не звоните.

Лена не ответила сразу.

— Почему?

— Она на работе. Если узнает, начнёт отпрашиваться, её оштрафуют.

— Где она работает?

— На хлебозаводе. Упаковка. Ночная смена до четырёх сорока. Потом она едет сюда, и мы вместе на автобус.

— Почему ты ждёшь её на вокзале, а не дома?

— Потому что мне так надо.

Ответ был слишком быстрым. Лена могла задавать следующий вопрос, пока не получит объяснение, удобное взрослому. Но согласие на имя и возраст не было согласием на допрос.

— Хорошо. Маме пока не звоню. Сначала дежурный и место ожидания. Если безопасного варианта без связи с ней не окажется, я скажу тебе до звонка.

Илья кивнул.

Лена позвонила администратору. Тот уже передал смену, но вернулся к киоску вместе с охранником. Увидев Илью, охранник нахмурился так, будто они продолжали старый разговор.

— Я предупреждал. В переходе ночевать нельзя.

— Я не ночую. Я жду автобус.

— Пять часов — это и есть ночевать.

— Тогда все, кто ждёт ночной поезд, ночуют.

— У них билет.

Лена открыла дверь киоска, вышла и сразу заперла её. Проверила ручку один раз. Телефон был в кармане, касса закрыта, деньги — ещё без отдельного короба, но в опечатанном пакете. На листе закрытия она отметила 00:23. Пять минут ушли на разговор, и правило уже было нарушено формально: после последней электрички окно оставалось приоткрытым.

— Киоск закрыт, — сказала она. — Илья внутри не был. Он просит место до первого автобуса. Ему семнадцать, мать заканчивает ночную смену в четыре сорок. Сообщить ей он пока не разрешает, потому что боится последствий на работе.

— В круглосуточный зал без проездного документа нельзя, — ответил администратор. — Режим транспортной безопасности.

— Есть платный зал ожидания?

— До ремонта закрыт.

— Комната матери и ребёнка?

— До десяти лет и с сопровождающим. Семнадцать — не ребёнок для комнаты, но несовершеннолетний для ночного нахождения без взрослого. Такие у нас правила.

— Очень удачный возраст, — сказал Илья.

Администратор сделал вид, что не услышал.

— Нужно установить законного представителя и передать ему. Если связи нет — подразделение по делам несовершеннолетних.

Илья развернулся к выходу.

Охранник шагнул в сторону, перекрывая прямой путь, но руками его не коснулся.

— Стоять. Теперь уже установим.

— Он согласился назвать имя и возраст, но не адрес, — сказала Лена. — И не давал согласия, чтобы его удерживали.

— А вы теперь специалист по несовершеннолетним?

— Нет. Поэтому и вызвала дежурного. Но разговаривать с ним как с нарушителем не нужно.

— Он нарушает ночной режим второй раз за неделю.

Илья резко посмотрел на охранника.

— Вы сказали, просто уйти.

— Я сказал, в переходе находиться после закрытия нельзя.

— Вы сказали: «Не попадайся».

Охранник покраснел.

— Не придумывай.

— Я не придумываю.

Администратор поднял ладонь.

— Спор потом. Сейчас есть два варианта: связываемся с матерью или вызываем сотрудников, которые имеют право решать, куда тебя передать.

— А третий? — спросила Лена.

— Какой?

— Дежурный письменно допускает его в круглосуточный зал под наблюдение до прихода матери. Без доступа на платформы, с регистрацией и контактом взрослого.

— Я не могу отменить режим.

— Но можете принимать решения при нестандартной ситуации. Круглов сказал это во время проверки.

— Решение должно на чём-то основываться. Сейчас у нас только слова подростка, что мать где-то работает.

Илья снял рюкзак и поставил на пол.

— У меня её пропуск есть на фотографии. И расписание смен.

Он показал телефон. На экране была фотография пластиковой карточки хлебозавода: Марина Коростылёва, упаковочный цех. Следом — таблица смен, присланная в семейный чат. Ночная действительно заканчивалась в 04:40.

— Телефон матери? — спросил администратор.

— Не дам.

— Тогда ничего не меняется.

— Можно написать ей сообщение, — сказала Лена. — Она увидит, когда получит доступ к телефону. Илья сам сформулирует. Мы не требуем, чтобы она уходила со смены, только подтверждение, что заберёт его утром.

— Она разозлится.

— Вероятно, — сказала Лена. — Но злость не то же самое, что штраф. Сейчас ты защищаешь её работу решением, которое она не принимала.

Илья вскинул голову.

— Вы её не знаете.

— Не знаю. Поэтому не могу обещать, как она поступит. Могу обещать только не звонить без предупреждения, если нет немедленной опасности. Сообщение отправишь ты.

— А если не ответит?

— Тогда администратор решит, достаточно ли документов для временного допуска. Если нет, придётся звонить или вызывать уполномоченных сотрудников. Переход вариантом не будет.

Дождь за стеклянными дверями стал плотнее. Илья открыл чат с матерью, несколько раз стирал текст. Наконец написал: «Я на вокзале. До автобуса жду с владелицей книжного киоска и дежурным. Хотят пустить в тёплый зал до твоего приезда. Напиши, что заберёшь меня после смены. С работы не уходи».

— «Не уходи» убери, — сказала Лена.

— Почему?

— Потому что ты опять решаешь за неё.

— Если не напишу, она уйдёт.

— Тогда напиши, чего боишься, а не что ей делать.

Илья стёр последние слова и добавил: «Я боюсь, что ты отпросишься и потеряешь деньги».

Сообщение ушло. Галочка осталась одна.

Администратор взял у охранника журнал происшествий.

— Полное имя?

— Илья Сергеевич Коростылёв.

— Дата рождения?

Илья назвал.

— Адрес?

— Я не соглашался.

— Для записи нужен адрес.

— Для записи события достаточно контакта матери и документа, если он есть, — сказала Лена. — Паспорт у тебя с собой?

Илья похлопал по внутреннему карману, но не достал.

— Есть.

— Покажи администратору сам. Мне не нужно видеть данные.

Он отошёл с дежурным к стойке информации. Лена осталась у киоска. Рая всё ещё была здесь: сидела на своём сложенном стуле у глухой стены и держала закрытую книгу на коленях.

— Вы почему не ушли? — спросила Лена.

— Смотрю, как запрет превращается в работу.

— Вы не должны были ждать.

— Я не сотрудник. Могу ждать что хочу, пока зал открыт.

— Он уже закрывается.

— Тогда сейчас уйду.

Но Рая не встала.

— Ты могла посадить его внутрь, — сказала она тише. — Никто бы не узнал.

— Я бы знала.

— И он был бы в тепле.

— До первого обхода. Потом пришлось бы лгать охране или выгонять его ещё позже. А если бы ему стало плохо, если мать не приехала, если кто-то увидел несовершеннолетнего в запертом киоске со мной — одной доброй причины оказалось бы мало.

— Правильно говоришь. Неприятно слушать.

— Почему?

Рая провела пальцем по краю обложки.

— Потому что я бы оставила. И всю ночь считала бы себя хорошим человеком. А утром потребовала благодарности, хотя вслух нет.

Лена посмотрела на неё.

— Вы можете помочь иначе.

— Как?

— Уйти домой. У вас нет допуска, и проверка закончилась. Не превращайте ожидание в бесплатную смену.

Рая фыркнула, но поднялась.

— Вот оформлюсь и стану брать деньги за то, что меня выгоняют.

Она сложила стул, попрощалась с Ильёй издали и ушла. Лена отметила про себя, что впервые Рая покинула проблему до её решения.

В 00:41 мать прочитала сообщение. Сначала появилась вторая галочка, потом надпись «печатает». Ответ пришёл длинный:

«С работы не уйду. Заберу в 5:05 у главного входа. Телефон держи включённым. Дежурному дай мой номер. Почему опять не дома — поговорим утром».

Следом она прислала номер мастера смены и написала, что при срочной необходимости дежурный может позвонить через проходную.

Илья прочитал и помрачнел.

— Теперь она будет ждать разговора всю ночь.

— А раньше ты ждал его один, — сказала Лена.

— Мне не трудно.

— Это не ответ на вопрос, почему ты не дома.

Администратор внес номер матери в журнал и позвонил ей. Разговор занял меньше минуты: он подтвердил место, время и условия; Марина сказала, что заберёт сына лично. После этого дежурный связался с начальником смены и получил разрешение разместить Илью в круглосуточном зале у стойки охраны как несовершеннолетнего, ожидающего законного представителя. Без прохода на платформы и с отметкой при выходе.

— Один сопровождающий может довести, — сказал он. — Дальше отвечает охрана зала.

— Я доведу, — ответила Лена.

— Вы уже закрыли кассу?

— Да.

— Тогда идём.

Она могла передать Илью охраннику и уехать домой. Но новый лист правил требовал не оставлять человека без передачи. Лена хотела увидеть не только подпись, но и место, куда его отправляют.

Они прошли через опустевший зал. Уборочная машина оставляла на плитке блестящую полосу. За стеклом касс погасли экраны. Из тоннеля тянуло мокрым бетоном.

— Рюкзак тяжёлый, — сказала Лена.

— Нормальный.

— Что там кроме учебников?

— Вещи.

— Для школы?

— Для дома.

Он ответил так, что Лена не стала предлагать помочь нести. У главного входа администратор открыл боковую калитку своим пропуском. Круглосуточный зал был меньше дневного: четыре ряда пластиковых кресел, автомат с напитками, выключенный телевизор и пост охраны за стеклом. В углу спала женщина, обняв сумку. Мужчина в рабочей куртке заряжал телефон.

Дежурная в зале проверила запись, паспорт Ильи и сообщение матери. Выдала ему карточку временного допуска с номером кресла.

— Выйдешь наружу — обратно без меня не войдёшь, — сказала она. — В туалет по коридору направо. Воду можно набрать у кулера. В пять мать подходит сюда, не к платформам.

— Я понял.

— Телефон заряжен?

— Тридцать процентов.

— Розетка у третьего ряда. Зарядку свою не оставляй без присмотра.

Илья сел на край кресла. Рюкзак поместил между ботинками и зажал коленями.

— Передача состоялась? — спросила Лена у дежурной.

— Состоялась. Подпишите как сопровождающая.

Лена подписала журнал и посмотрела на время: 00:58. Если бы киоск продолжал работать ещё сорок минут, она могла продать несколько книг пассажирам ночного автобуса, который иногда привозил людей к часу. Но киоск по правилам уже был закрыт. Она потеряла не выручку, а возможность её получить — сумму, которой не существовало и которую всё равно было жалко.

— Вы можете идти, — сказал Илья.

— Могу. Но сначала один вопрос. Ты не обязан отвечать. Почему ты ждёшь мать здесь, а не дома?

Он взглянул на дежурную. Та вернулась к своим экранам и словно перестала их слышать.

— Дома отчим, — сказал Илья. — Он не бьёт. Если вы об этом.

— Я не успела спросить.

— Все спрашивают. Он просто работает из дома и бесится, когда я ночью включаю свет. А мне заниматься надо. Мама говорит, можно на кухне, но он слышит чайник, стул, страницы.

Потом они ругаются. Проще после школы ехать в библиотеку, а когда она закрывается — сюда. Мама заканчивает смену, и вместе возвращаемся. Он к тому времени спит.

— Мама знает, что ты остаёшься до утра?

— Думает, иногда. Не знает, что почти каждую её ночную.

— Почему тебе нужно столько заниматься?

Илья вытащил из рюкзака купленный справочник. За ним показались задачки по физике, русский язык в таблицах и тонкая папка с распечатанным заголовком «Подготовительные испытания».

— В политехнический хочу. В Озёрске. Там общежитие дают, если бюджет.

— Мать знает?

— Что я хочу поступать — да. Что в Озёрске — нет. Она думает, здесь в колледж. Говорит, сначала надо накопить на компьютер, потом решать.

— А ты на что копишь?

Он коснулся кармана, где лежали оставшиеся монеты.

— На пробные экзамены и дорогу. У них очный тур в феврале. Если пройти, дают дополнительные баллы. Я подрабатываю разгрузкой по выходным. Поэтому справочник коммиссионный.

— И поэтому не купил билет в зал ожидания, которого всё равно нет.

— Даже если бы был, не купил бы.

Лена села через кресло от него, оставляя свободное место.

— Ты боишься сказать матери, потому что она запретит?

— Потому что она поможет.

— Это звучит не как худший исход.

— Она возьмёт ещё смены. Или кредит. Потом скажет, что всё нормально. У неё всегда всё нормально, пока не приходит платёжка. Я хочу сам.

— Сам оплатить экзамен — одно. Сам решить за неё, может ли она знать, — другое.

— Вы всем это говорите?

— Сегодня второй раз.

— Тому мужчине с билетом тоже?

Лена насторожилась.

— Какому мужчине?

— Я видел пару дней назад. Он стоял у окна, когда поезд ушёл. Потом в городском паблике написали, что у вас тут люди специально не уезжают.

— В каком паблике?

Илья пожал плечами.

— «Бережск сейчас». Там всё подряд.

— И что было написано?

— Ничего особенного. Фото окна. Я поэтому и подошёл сегодня. Думал, если тут после поездов работают, можно посидеть.

Получалось, просьба Ильи возникла не случайно. Кто-то уже превратил свет вывески в обещание, которого Лена не давала.

— Киоск работает только до 00:18, — сказала она. — И сидеть внутри посетителям нельзя даже до закрытия: там служебная зона.

— Теперь знаю.

— Покажи публикацию.

Илья открыл паблик. Лента обновилась. Старую фотографию он нашёл не сразу: тёмное окно, Тимур боком у стойки, красные огни электрички вдали. Подпись была короткой: «У вокзала появился книжный киоск для тех, кто передумал уезжать. После последнего поезда там оставляют вопросы».

На снимке нельзя было прочитать вопрос или узнать Тимура наверняка. Но смысл уже придумали за него.

— Кто фотографировал?

— Не знаю. Там предложка.

— Ты пришёл из-за этой записи?

— Не только. Я и раньше видел свет. Но думал, обычный газетный. А тут вроде как можно не покупать.

Он поднял справочник.

— Я всё равно купил.

— Потому что нужен был.

— И чтобы не выгнали сразу.

Лена почувствовала неприятный холод, хотя в зале было тепло. Она продала книгу человеку, который считал покупку платой за право просить о ночлеге. Формально чек был честным. Смысл сделки — уже нет.

— Покупка не давала права остаться, — сказала она. — И не была условием, чтобы я помогла найти дежурного. Если справочник не нужен, завтра оформлю возврат.

— Нужен. Я сравнивал цены в интернете, у вас дешевле доставки.

— Хорошо. Но другим это придётся объяснить яснее.

Илья открыл книгу на оглавлении.

— Мне можно заниматься?

— Здесь — спроси дежурную.

Дежурная разрешила включить лампу над третьим рядом, если он не будет мешать спящим. Илья пересел к розетке. На прощание Лена сказала:

— Утром не уходи до прихода матери. Если она задержится, сообщи дежурной. И разговор про Озёрск всё равно придётся провести.

— Вы ей не скажете?

— Нет. Ты не разрешал, и сейчас нет немедленной опасности. Но я не буду обещать хранить это как секрет вечно, если ты снова окажешься ночью без безопасного места. Тогда придётся обсуждать конкретный план со взрослым.

— Это шантаж?

— Граница моей помощи.

Он подумал и кивнул.

— Тогда до следующей ночной смены скажу сам.

— Не мне. Ей.

— Ей, — повторил Илья.

Лена вышла через главный вход в 01:12. Автобус к её району уже ушёл, пришлось вызвать такси. Ещё одна расходная строка. В машине она открыла публикацию и написала администратору паблика: «Я владелица киоска на фото. Уточните, пожалуйста: часы работы 21:40–00:18, после последнего поезда киоск закрыт. Это торговая точка, не клуб и не зал ожидания. Вопросы оставляют добровольно; они не публикуются и не передаются без отдельного согласия. Прошу исправить подпись».

Ответа не было.

Зато под записью появлялись комментарии.

«Наконец-то место для живых людей, а не турникетов».

«Можно прийти без билета?»

«А чай дают?»

«Кто не успел на поезд — вступает автоматически?»

Кто-то уже назвал киоск «Клубом 00:18». Другой пользователь поправил: «Это тайный клуб тех, кто не уехал».

Фраза набрала больше отметок, чем сама публикация.

Когда такси остановилось у дома, Лене пришло новое уведомление. Незнакомая девушка выложила сегодняшнюю фотографию: закрытая створка, Лена рядом с Ильёй и дежурным, в руке подростка — книга. Снимок был сделан издалека, но тёплая вывеска читалась отчётливо.

Подпись гласила: «Тайный клуб тех, кто не уехал, уже собирается после полуночи».

Лена увеличила фотографию. Правило о запрете оставаться после закрытия висело за стеклом, но прочитать его на снимке было невозможно.

Видно было только свет.

Глава 6. Название, которого не было

К следующему вечеру у киоска появилось название, которого Лена не выбирала.

Кто-то приклеил к наружному стеклу полоску малярной ленты и написал синим маркером: «КЛУБ 00:18». Буквы вышли неровные, последняя восьмёрка легла набок. Лента держалась поверх листа с часами работы, закрывая слово «закрытие».

Лена увидела её в двадцать один тридцать две. Перед окном уже ждали четверо: две девушки в одинаковых светлых куртках, парень с маленькой камерой на ремне и женщина с бумажным стаканом. Ни один не смотрел на корешки за стеклом. Все смотрели на Лену, пока она отпирала рольставню.

— Это вы хозяйка клуба? — спросила девушка с красным шарфом.

Лена сняла ленту, сложила липкой стороной внутрь и убрала в карман.

— Книжного киоска.

— А название зачем убрали?

— Потому что у киоска нет такого названия.

Парень поднял камеру. Не объектив — пока только ладонь на корпусе.

— Можно снять открытие?

— Меня — нет. Витрину можете, если в кадр не попадут люди.

— Мы тогда зайдём внутрь?

— Внутри посетителям нельзя. Обслуживание через окно.

Девушки переглянулись. Та, что была без шарфа, рассмеялась:

— Секретный клуб, куда никого не пускают. Очень в духе.

Лена подняла рольставню. За стеклом загорелась вывеска, подключённая теперь через отдельный счётчик Светы. Вчера этот свет на фотографии казался обещанием. Сегодня он осветил кассу, узкий проход между стеллажами, тревожный брелок на шнурке и новый лист правил в прозрачной рамке.

— Что вы хотите купить? — спросила Лена.

— А что покупают, когда не уехали? — отозвалась девушка с шарфом.

— То, что хотят прочесть.

— Нет, здесь же должна быть особая книга.

— Особой нет.

Лена включила кассу и внесла размен. В прежней работе она любила минуты до начала смены: приборы уже светятся, доклады ещё не звучат, и мир некоторое время состоит из проверяемых вещей. Здесь проверяемыми были четыре тысячи восемьсот рублей в денежном ящике, двадцать семь новых поступлений и пятеро людей у окна, потому что за спиной первой четвёрки остановился мужчина в форме курьера.

— Мне атлас дорог Бережской области, если есть, — сказал он.

Лена достала нижнюю полку. Девушки уступили ему место неохотно.

— Вот прошлогодний. Изменения по объездной внесены, новая развязка у Северного ещё не отмечена.

— Мне посёлки нужны. Сколько?

Он купил атлас за три минуты. Пока Лена пробивала чек, парень с камерой снимал его руки. Курьер заметил и отвернулся.

— Не снимайте покупателя, — сказала Лена.

— Лица же нет.

— Руки, форма и покупка тоже могут узнать человека. Он согласия не давал.

Парень опустил камеру, но с видом человека, которому помешали закончить хорошую мысль.

К двадцати двум часам у окна стояли двенадцать человек. Очередь загибалась к цветочному павильону, и Света дважды выходила проверить, не заслонили ли ей вход. Люди спрашивали, нужно ли приносить старый билет, можно ли оставить вопрос анонимно, выдаёт ли Лена задания и правда ли после полуночи здесь наливают чай тем, кто передумал. Одна женщина принесла домашнее печенье в пластиковом контейнере. Лена поблагодарила и не приняла.

— Почему? Там обычное, без крема.

— Я не могу раздавать посетителям еду и не знаю условий приготовления.

— Да я вам.

— Тогда тем более не смогу объяснить следующему человеку, почему от вас подарок взяла, а от него нет.

Женщина прижала контейнер к пальто.

— В публикации вы были добрее.

— В публикации я ничего не говорила.

Ответ прозвучал резче, чем Лена хотела. Женщина ушла. Девушка с шарфом проводила её камерой телефона и сказала подруге достаточно громко:

— Всё понятно: легенду уже монетизировали.

Но касса действительно наполнялась. Любопытство не превращалось в продажи у каждого, однако двое купили открытки с видами города, студентка выбрала подержанный сборник рассказов, мужчина в дорогом пальто взял три книги, почти не глядя, и попросил пакет. Лена впервые не успевала выровнять ряд после каждой покупки. Ей приходилось складывать освободившиеся ценники у локтя и отвечать следующему.

В двадцать два шестнадцать выручка превысила лучший вечер вдвое.

Лена увидела цифру на кассе и поймала себя на том, что перестала поправлять людей, называвших место клубом. Она не подтверждала. Просто спрашивала, что подобрать, и позволяла чужому названию делать свою работу.

Тогда к окну подошёл Круглов.

Толпа расступилась не сразу. Он был без фуражки, в тёмной форменной куртке, с планшетом под мышкой. Девушка с шарфом навела на него телефон.

— Съёмку прекратите, — сказал он.

— На вокзале нельзя?

— На территории транспортной безопасности действуют ограничения. Информацию получите у дежурного. Проход не перекрываем, к служебным дверям не прислоняемся.

Очередь стала короче на два человека: парень с камерой и его спутница отошли к выходу, продолжая что-то обсуждать. Круглов дождался, когда Лена выдаст чек покупательнице, и положил на стойку распечатанный снимок.

На нём была та самая полоска ленты: «КЛУБ 00:18». Снимок сделали до прихода Лены. В углу виднелась отметка времени — 20:57.

— Убрать вводящую вывеску, — сказал Круглов.

— Уже убрала. Это не моя вывеска.

— Она размещена на вашей витрине.

— Без моего ведома, пока киоск был закрыт.

— Тогда зафиксируйте повреждение или самовольное размещение. И обеспечьте, чтобы не повторилось.

— Как? Ночевать у стекла?

Круглов посмотрел на очередь. Среди любопытных стояли двое настоящих пассажиров: пожилой мужчина держал билет на электричку, женщина в пуховом жилете поглядывала на табло. Остальные не торопились.

— Для начала не поддерживать впечатление, что здесь действует не согласованный с вокзалом клуб, — сказал он. — Мне за день поступило шесть вопросов: где регистрация, можно

ли находиться после закрытия, кто отвечает за несовершеннолетних и почему станция проводит ночные собрания. Станция ничего не проводит.

— Я тоже.

— На вашем окне висит объявление про вопросы на билетах.

— С правилами согласия и хранения.

— Люди читают первую строку. Остальное пересказывает городской паблик.

Лена хотела ответить, что не может отвечать за чужую неспособность дочитать лист. Но вчера Илья купил справочник, чтобы его не выгнали. Чужая ошибка уже стала частью её сделки.

— Что именно вы требуете? — спросила она.

— Убрать название — выполнено. Разместить снаружи часы так, чтобы их не закрывал лист с историей билетов. Отдельно написать: не зал ожидания, не камера хранения, мероприятий нет. Очередь держать вдоль стены, проход к павильону Аржановой не перекрывать. Если скопление сохранится, придётся согласовывать меры с безопасностью.

— То есть закрыть киоск.

— Я этого не сказал.

— Пока.

— Мезенцева, у вас торговая точка площадью шесть квадратных метров. Вокзал не обязан подстраиваться под историю, которую кто-то придумал в сети.

— А я обязана?

— Вы уже подстраиваетесь. Только пока в ту сторону, где больше чеков.

Он произнёс это негромко. Девушка с шарфом не могла услышать, но Лене показалось, что услышали все.

На кассе лежали деньги за лучший вечер. Их хватило бы на отдельный тревожный брелок, короб для выручки и часть такси за вчерашнюю ночь. Хватило бы доказать себе, что киоск нужен не только людям, которые подходят поговорить и уходят без покупки.

— Я подготовлю объявление, — сказала она.

— Сегодня.

— Сегодня.

Круглов забрал распечатку не сразу.

— И ещё. Фотография с несовершеннолетним. Лицо различимо?

— Если увеличить — возможно.

— Вы сообщили матери?

— Я не знаю, видела ли она публикацию. Илья был передан дежурной с её согласия.

Запись есть в журнале.

— Не про передачу спрашиваю. Про фотографию.

Лена помолчала.

— Сообщу Илье через мать, что снимок опубликован. Без деталей его разговора со мной.

— Правильно.

Круглов ушёл к залу. Очередь сомкнулась.

— Он всегда так разговаривает? — спросила девушка с шарфом.

— По существу?

— Будто всё запрещено.

— Он перечислил то, что нельзя. Это часть его работы.

— А ваша — делать людям хорошо.

— Моя — продавать книги и не обещать того, чего здесь нет.

Девушка подняла брови.

— Тогда дайте самую дешёвую.

— Какую вы хотите читать?

— Никакую. Просто чтобы отметить.

— Отмечаться у нас не нужно.

— Вам деньги не нужны?

Лена посмотрела на полку с тонкими брошюрами. Можно было продать любую. Чек был бы законным, покупательница совершеннолетняя, цена указана. Но девушка хотела не книгу. Она хотела квитанцию о посещении места, которого не существовало.

— Нужны, — сказала Лена. — Но если читать вы не хотите, покупать незачем.

— Отличный бизнес.

— Пока учусь.

Девушка отступила, не скрывая разочарования. Её подруга задержалась и показала на тонкий том в зелёной обложке.

— А этот о чём?

Лена сняла книгу с полки.

— Путевые заметки женщины, которая двадцать лет проработала геодезистом. Не про бегство и не про новую жизнь. Больше про то, как дорога выглядит, когда по ней ездят на работу.

— Дайте посмотреть.

Она прочитала две страницы у окна и купила. Девушка с шарфом ждала в стороне, сердито печатая что-то в телефоне.

В двадцать два сорок появился автор фотографий.

Лена узнала его не по лицу, а по ракурсу. Худой молодой человек в оранжевой шапке сначала обошёл очередь, затем присел у колонны, выстраивая в телефоне кадр так, чтобы свет киоска оказался над головами людей. Точно так же были сняты Тимур у окна и Лена с Ильёй: издалека, с безопасной чужой стороны.

Она попросила следующего покупателя подождать и вышла через служебную дверь.

— Вы снимали вчера?

Молодой человек не стал притворяться.

— Я. Хорошо вышло, да? Я вам написал, но вы, наверное, запросы не смотрите.

— Вы сняли несовершеннолетнего и подписали фотографию выдумкой.

— Лица почти не видно. А подпись — образ. Без неё никто бы не пришёл.

— Подойдём к дежурному.

Он убрал телефон в карман.

— Зачем сразу так? Я удалить могу, если мать попросит. Хотя картинка уже разошлась, удаление ничего не даст. Давайте лучше нормально познакомимся. Антон Лавров, веду «Бережск пешком». Пост в паблик тоже мой, только они подпись чуть сократили.

— Лена Мезенцева. Владелица торговой точки, которой вы придумали другую функцию.

— Функцию люди придумали. Я только заметил.

— Тимур стоял у окна, потому что пропустил поезд. Илья ждал, пока его передадут в круглосуточный зал. Никакого собрания не было.

— Но вопросы на билетах настоящие?

— Это не ваше дело.

Антон улыбнулся, будто услышал подтверждение.

— Вот это и работает. Не книги сами по себе, а истории. У меня предложение без денег на старте. Раз в неделю вы выбираете билет, мы снимаем его крупно, имя можно закрыть. Пишем короткую историю: куда человек собирался, почему остался, какую книгу взял. Я даю охват, вы — материал. Потом можно сделать постоянную рубрику. Люди пойдут уже не просто сфотографироваться.

— Чужой вопрос не материал.

— Если без имени?

- Всё равно чужой.
- Берёте согласие. Галочка в анкете, и всё.
- Согласие на чтение мной не означает согласия на публикацию у вас.
- Так добавьте отдельную галочку.

Лена вспомнила Тимуров билет в запечатанном конверте. «Кого я брошу, если уеду?» Фраза могла привести к окну ещё пятьдесят человек. С фотографией ночной платформы и подписью о выборе она собрала бы сотни отметок. Тимур, возможно, согласился бы: он привык объяснять свои решения так, словно составлял историю болезни. Или согласился бы из благодарности за тот вечер, а потом увидел собственный страх между рекламой кофе и шиномонтажа.

- Нет, — сказала Лена.
- Вы даже не спросите людей.
- Нет.
- Почему решаете за них? Может, кому-то важно рассказать.

Вопрос попал точно. Ещё вчера Лена говорила Илье, что нельзя лишать мать знания из страха перед её выбором. Теперь она отказывалась предлагать выбор всем, кто оставит билет.

— Рассказать можно от своего имени и на своей странице, — сказала она. — Я могу вернуть билет. Могу дать человеку ваш контакт, если он сам попросит способ публикации. Но я не стану собирать вопросы под предлогом тихого хранения, а потом предлагать превратить их в рекламу. Даже отдельная галочка изменит причину, по которой люди пишут.

- Это вы красиво сейчас сказали. Можно процитировать?
- Нет.

Антон рассмеялся.

- Вы последовательно уничтожаете собственное продвижение.
- Вы удалите фотографию Ильи?
- Если он или законный представитель напишет — да.
- Я уже написала как человек, который был рядом и знает, что он несовершеннолетний.
- Тогда пришлите ссылку, удалю сегодняшний пост у себя. Но в паблике решают администраторы.

— И исправьте первую подпись. Киоск закрывается в ноль восемнадцать, внутри посетителей не размещают, ночных собраний нет.

- После такой подписи пост никто не дочитает.
- Зато пришедшие не будут покупать книгу как плату за ночлег.

Антон перестал улыбаться.

- Такое было?
- Было.

Он посмотрел на очередь. Теперь она доходила только до угла киоска. Света выставила у входа в павильон стойку с уценёнными хризантемами, словно очертила ими границу.

— Ладно, — сказал Антон. — Фото с парнем уберу. Подпись поправлю. Но вы понимаете, что другие продолжают снимать?

- Понимаю.
- И название уже не снимете вместе с лентой.
- Название может жить у них. На моём стекле его не будет.
- А если кто-то придёт именно за клубом?
- Узнает, что здесь киоск.

Антон надел перчатки и ушёл, не попрощавшись. Через минуту фотография исчезла с его страницы. В городском паблике она осталась.

Лена вернулась за стойку. На кассе мигала незавершённая продажа. Пожилой мужчина с билетом выбрал детектив в мягкой обложке.

— Я на Лесную, — объяснил он, пока она считала сдачу. — Там у дочери гостил. В вагоне всё равно не усну.

Он не спрашивал ни про клуб, ни про вопросы. Взял чек, убрал книгу во внутренний карман и отошёл к табло. За ним женщина в пуховом жилете попросила сборник сканвордов и запасную ручку. Ей оставалось сорок минут до поезда.

Когда очередь поредела, Света принесла широкий лист картона и чёрный маркер.

— Пиши крупно, — сказала она. — У меня половина входа в кадрах, а продаж — три гвоздики. Один ещё спросил, не символизируют ли они прощание.

— Что ответила?

— Что они символизируют сто восемьдесят рублей.

Лена впервые за вечер рассмеялась.

Она написала на картоне:

«КНИЖНЫЙ КИОСК

Работаем 21:40–00:18.

Здесь продают книги.

Это не клуб, не зал ожидания и не камера хранения.

Внутри посетителей не размещают. Ночных мероприятий нет.

Вопрос на билете можно оставить добровольно. Без отдельного согласия его никто не читает и не публикует».

— Последнее мелко, — сказала Света.

Лена переписала весь лист, чтобы уместить последнюю фразу теми же буквами. Картон закрывал часть витрины и три хорошие обложки.

— Повесь сбоку, — предложила Света.

— Сбоку опять не прочитают.

— Тогда готовься продавать правила вместо книг.

Лена закрепила лист изнутри напротив окна. Потом сфотографировала его без людей и отправила в городской паблик вместе с просьбой опубликовать уточнение. Ответ пришёл впервые: «Можем поставить коммент владельца». Через пять минут под исходной записью появился её текст. Антон тоже изменил подпись к первой фотографии и добавил часы.

Этого оказалось недостаточно.

Девушка с красным шарфом уже выложила короткое видео. Она стояла на фоне объявления и говорила: «Приехали в знаменитый тайный клуб, а нас встретили инструкцией. Тайна раскрыта: это магазин». Последнее слово прозвучало как диагноз.

Лена увидела ролик на экране покупателя, который показал его без спроса.

— Видите? Уже смеются. Может, уберёте бумажку?

— Нет.

— Но вам же антиреклама.

— Если человек уйдёт, узнав правду, значит, ему нужно было не сюда.

Покупатель ничего не взял. Следом ушли ещё трое. Парень с камерой вернулся за спутницей, и они решили снимать вокзальные часы. Женщина со стаканом спросила, действительно ли нельзя посидеть внутри, получила тот же ответ и направилась к выходу.

К двадцати трём пятнадцати перед киоском никого не осталось.

Тишина после очереди была хуже обычной. Прежде пустой проход означал, что пассажиры ещё не пришли. Теперь он выглядел как решение, принятое против Лены.

Она пересчитала чеки. Двадцать одна продажа. Даже после возвратов — если они будут — вечер оставался лучшим. Но последние пятнадцать минут касса молчала. Лена смотрела на картон, закрывавший витрину, и представляла, как переставляет его вправо. Не снимает, только освобождает обложки. Потом — как сокращает текст до часов работы. Остальное ведь и так записано в правилах.

Света из своего павильона подняла ладонь, будто видела эти расчёты.

— Не трогай, — сказала она через проход.

— Я ничего не трогаю.

— У тебя лицо человека, который сейчас случайно передвинет объявление за вазу.

— Оно закрывает товар.

— Закрывает. Завтра напечатаешь нормальное, узкое.

— Если завтра вообще кто-нибудь придёт.

Света посмотрела на кассовую ленту, свисавшую у Лены с края стойки.

— Сегодня пришли посмотреть не на тебя. Пришли посмотреть на свою фантазию о себе возле твоего окна. Она бесплатная. С книгами у фантазии конкуренция тяжёлая.

— А ты три гвоздики продала.

— Четыре. Девушка без шарфа вернулась. Взяла один жёлтый цветок и ту зелёную книгу у тебя. Вот она покупатель. Остальные были декорациями друг для друга.

Лена сложила кассовую ленту гармошкой.

— Я могла бы продавать им дешёвые брошюры.

— Могла. Я могла бы каждому продавать «цветок прощания» втрое дороже. Через неделю нас бы ненавидел весь город, зато неделю мы были бы при деньгах.

— Ты преувеличиваешь.

— Конечно. У меня аренда меньше.

Света вернулась в павильон. Через несколько минут к киоску подошла женщина лет пятидесяти в рабочем халате под расстёгнутой курткой. Она долго изучала объявление, затем спросила:

— Значит, ночью не сидят?

— Не сидят. К закрытию нужно уйти. Если у вас билет, зал ожидания в главном здании.

— У меня автобус в ноль десять. Книгу купить успею?

— Конечно.

Женщина выбрала любовный роман из комиссионного ряда, проверила, все ли страницы на месте, и расплатилась монетами. Потом пришли двое студентов за тетрадами и дешёвым словарём. Девочка с отцом купили книжку с головоломками в дорогу. Отец прочитал объявление вслух до строки о вопросах, но ничего не спросил.

Поток стал редким и понятным. Люди подходили потому, что им нужны были книга, ручка, карта или несколько минут у полки перед поездом. Лена успевала спрашивать, что они ищут, и слышала ответы, а не готовые фразы из публикации.

В двадцать три сорок восемь Круглов прошёл мимо второй раз. Остановился у объявления.

— Читается, — сказал он.

— Товар закрывает.

— Завтра согласуйте с администрацией держатель у края витрины. Формулировку про отсутствие мероприятий оставьте.

— Вывеску я не вешала.

— Я записал ваше объяснение. Камеры подтвердят, кто приклеил. Если захотите подать заявление о порче, сохраните ленту.

Лена достала смятую полоску из кармана. На ней всё ещё читалось чужое название.

— Стекло не испорчено.

— Тогда зафиксируем без ущерба.

— И всё?

— А что ещё вы хотите?

Она не знала. Извинения за подозрение? Разрешения оставить толпу, если та покупает книги? Подтверждения, что она выбрала правильно и не вычеркнула будущую прибыль собственным маркером?

— Ничего.

Круглов кивнул на кассу.

— Скопления нет. Проход свободен. Это и требовалось.

— Они ушли не из-за вас.

— Я знаю.

Он направился к платформе. Лена положила ленту в конверт для служебных бумаг и подписала дату. Не как название. Как случай самовольного размещения.

В 00:02 на телефоне появилось сообщение от Марины Коростылёвой. Лена утром отправила ей только ссылку на фотографию и просьбу показать Илье. Теперь Марина ответила: «Фото видели. Антон удалил у себя, паблик закрыл лицо после моего обращения. Спасибо, что сообщили. Про Озёрск он рассказал сам. Разговор не закончили, но я теперь хотя бы знаю, о чём он молчал».

Лена перечитала последние слова. Не «мы решили». Не «я разрешила». Знание не устранило ни стоимость дороги, ни отчима, ни страх Ильи перед материнской жертвой. Оно только вернуло разговор тем, кому тот принадлежал.

Она написала: «Поняла. Подробности его разговора со мной без его согласия передавать не буду. Если снова понадобится безопасно ждать ночью, обращайтесь к дежурному вокзала, не в киоск».

Марина ответила коротко: «Да».

За восемь минут до закрытия подошла женщина в сером пальто. Она шла быстро, но у окна остановилась не запыхавшись, словно заранее распределила дыхание. Ей было около сорока пяти. Волосы собраны низко и слишком аккуратно для позднего часа. Под мышкой она держала большой крафтовый конверт, перетянутый канцелярской резинкой.

Женщина сначала прочитала объявление целиком. На словах «не камера хранения» её пальцы сильнее сжали конверт.

— Вы закрываетесь в ноль восемнадцать? — спросила она.

— Да.

— У меня ночной поезд в ноль семнадцать. На Мостовск.

— Успеете, если уже прошли контроль. Отсюда до платформы четыре минуты без спешки.

— Я прошла. Мне не маршрут нужен.

Она положила конверт на наружную стойку, но руки не убрала.

— Меня Вера зовут. Можно он полежит у вас до моего поезда?

Лена посмотрела на крупную строку в объявлении между «не зал ожидания» и «внутри посетителей не размещают».

— Киоск не камера хранения.

— Я прочитала. Это не багаж. Документы.

— Тем более нет.

Вера обернулась к табло. До отправления оставалось пятнадцать минут.

— Мне нужно только до посадки, — сказала она. — Если я сяду, заберу. Если не сяду — тоже заберу.

— Почему конверт не может быть с вами?

Вера наконец отпустила его. На крафтовой бумаге проступила вмятина от большого пальца.

— Потому что муж проверит сумку до того, как я войду в вагон.

На платформе объявили посадку на ночной поезд до Мостовска.

Вера не повернула головы.

Глава 7. Камера хранения

Поезд до Мостовска стоял у второй платформы семь минут. Вера держала конверт на стойке киоска, будто эти минуты принадлежали не расписанию, а Лене.

— Муж проверит сумку, — повторила она. — Не ограбит же он ваш киоск из-за чужих бумаг.

— Я не приму документы.

— Вы даже не знаете какие.

— Поэтому и не приму.

Лена подвинула конверт обратно наружу. Вера не взяла его, и тот остался между ними, прижатый резинкой к холодному металлу.

Внутри киоска было три места, куда его можно спрятать: нижний ящик под кассой, шкафчик с личной сумкой и пустая ниша за комиссионными книгами. Лена заметила каждое. На прежней работе она тоже мгновенно находила резервный путь, когда основной был занят. Иногда это спасало движение. Иногда позволяло слишком долго не признавать, что путь вообще нельзя открывать.

— На вокзале есть официальная камера хранения, — сказала она. — В главном зале, справа от касс.

— До неё пять минут, ещё оформление, потом обратно. Поезд уйдёт.

— Тогда возьмите конверт с собой.

— Я объяснила, почему не могу.

— Вы объяснили, что муж будет проверять сумку. Но я не знаю, ваши ли это документы, законно ли вы ими распоряжаетесь и кто придёт за ними после закрытия.

Вера оглянулась. У входа на платформу пассажиры ускоряли шаг. Дежурная подняла жёлтый флажок, хотя посадка ещё продолжалась.

— Мои, — сказала Вера. — И заберу я. Через десять минут.

— Киоск закроется через шесть.

— Закройте. Я постучу.

— После закрытия я не обслуживаю и ничего не выдаю.

— Вчера вы подростка после закрытия водили по вокзалу.

Лена почувствовала, как внутри поднимается готовый ответ: вчера была другая ситуация; Илья несовершеннолетний; его передали сотрудникам; фотография искажала происходящее. Всё это было правдой, но Вера принесла не спор о вчерашнем вечере.

— Я помогла ему обратиться к дежурному, — сказала Лена. — В киоске он не остался, вещи я не принимала.

— Значит, помощь только через начальство.

— Когда она требует полномочий — да.

Вера резко подхватила конверт. Резинка соскочила с угла, и клапан приоткрылся. Лена успела увидеть прозрачную папку, копию паспорта и лист с таблицей платежей. Вера сразу закрыла клапан.

— Напрасно пришла, — сказала она.

— Возможно.

— Могли бы просто сказать, что боитесь.

— Боюсь.

Вера уже сделала шаг к платформе, но остановилась.

— Чего?

— Что вы не вернётесь до закрытия. Что вместо вас придёт муж. Что документы окажутся не только вашими. Что мне придётся выбирать, кому их отдавать, по рассказу у окна.

— Я бы оставила расписку.

— Расписка не делает меня камерой хранения.

Из громкоговорителя объявили окончание посадки. Вера посмотрела на поезд. Двери ещё были открыты.

Она могла успеть, если бы побежала. Вместо этого она сняла с плеча сумку, сунула туда конверт и застегнула молнию. Потом подошла к витрине с папками.

— Самая плотная какая?

— Для документов?

— Для чего же ещё.

Лена показала две: дешёвую пластиковую на кнопке и жёсткую с внутренними карманами.

— Эту, — Вера указала на жёсткую. — Чёрную.

— Четыреста двадцать.

— За картон и резинку?

— За пластик, молнию и карманы. Папка с кнопкой — сто десять.

— Молния у меня уже есть. Толку немного.

Она всё же выбрала чёрную. Пока Лена пробивала чек, на платформе прозвучал свисток. Двери поезда закрылись. Состав тронулся почти бесшумно, и лишь затем колёса ударили на стыке.

Вера не обернулась.

— Вы пропустили поезд, — сказала Лена.

— Вижу.

— Следующий когда?

— Завтра вечером.

Лена положила чек в пакет вместе с папкой.

— Возврат можно оформить, если упаковку не повредите.

— Я не из-за папки осталась.

— Я знаю.

Вера взяла покупку, но не ушла. Вокруг киоска уже не было пассажиров. Света гасила витрину по секциям; цветы один за другим исчезали в темноте. Круглов стоял у выхода на платформу, следя за хвостовыми огнями состава.

На часах было 00:19.

Лена выключила кассу.

— Киоск закрыт.

— Теперь можете отвести меня к дежурному?

— Если вам угрожает опасность — могу позвать его сюда.

— Я не сказала, что мне угрожают.

— Тогда что вам нужно?

— Понять, куда идти.

— Это разные вещи.

— Для вас, может быть.

Вера попыталась открыть упаковку папки ногтем. Пластиковый язычок не поддавался. Лена достала ножницы, но не протянула.

— После закрытия продаж нет, но упаковку купленного товара я могу снять. Положите на стойку.

Вера положила папку. Лена разрезала пломбу, вернула покупку и убрала ножницы. Рольставню пока не опускала: металл отрезал бы разговор, а выходить наружу к незнакомой женщине с документами она не хотела.

Вера переложила содержимое конверта в папку. Теперь Лена видела бумаги не по отдельности, а стопкой: копии договоров, банковские выписки, свидетельство о браке, справка с работы, лист с рукописными датами. Сверху лежало уведомление с крупным словом «ЗАДОЛЖЕННОСТЬ».

— Не показывайте мне персональные данные, — сказала Лена.

Вера перевернула уведомление текстом вниз.

— А кому показывать? Мужу я уже показала. Он сказал, ошибка.

— Я не юрист и не банковский сотрудник.

— Вы хотя бы слушаете.

— Это не превращает меня в специалиста.

— Значит, специалистам можно не слушать?

Лена сняла с крючка куртку, но не надела.

— Расскажите без номеров счетов и документов. Только то, что нужно, чтобы понять, куда вас направить.

Вера закрыла папку на молнию. Звук получился громким в опустевшем зале.

— У нас с мужем мастерская, — сказала она. — Была его, потом он оформил меня совладельцем. Ремонтируют бытовую технику. Я веду заказы, он закупки. Весной попросил подписать бумаги на новую линию для оборудования. Говорил, банк требует согласия обоих.

— Вы читали бумаги?

— Первую страницу. Там про развитие бизнеса. Остальное он перелистнул и показал места для подписей.

— Копию получили?

— Нет. Он сказал, дома лежит.

Лена удержалась от вопроса, почему Вера подписала. Этот вопрос всегда звучал задним числом, когда ответ уже ничего не мог изменить.

— Когда узнали о задолженности?

— Три недели назад пришло уведомление. Не на мастерскую — мне лично. Сумма как за квартиру. Муж сказал, письмо мошенническое, порвал. Я склеила и позвонила по номеру с официальной карты банка, не из письма. Там подтвердили договор на моё имя.

— Вы сообщали, что могли не понимать условия?

— Девушка сказала прийти в отделение с паспортом. Я пришла. Мне выдали копию. Подписи мои. Деньги ушли на счёт поставщика, которого муж знает. Оборудования в мастерской нет.

— Что сказал муж?

— Что оборудование задержали. Потом — что вернули. Потом — что я лезу не в своё дело и всё равно ничего не понимаю.

Вера говорила ровно, без жалоб. Только большим пальцем водила по зубцам молнии туда и обратно.

— Почему вы собирались в Мостовск? — спросила Лена.

— Там сестра. Она сказала приезжать с документами. Муж услышал наш разговор. Сегодня весь вечер ходил за мной по квартире и спрашивал, что в сумке. Я сказала — одежда. Он предложил отвезти на вокзал. Я отказалась. Тогда он поехал следом.

Лена посмотрела за стекло. У главного входа стояли два такси, водители курили у капотов. Возле платформы никого не было.

— Он сейчас здесь?

— Был в зале. Я прошла контроль раньше и спряталась в туалете. Потом увидела ваш свет.

— Вы думаете, он ждёт у выхода?

— Не знаю.

— Он вам угрожал?

— Сказал, что домой я вернусь без этих бумажек. Это угроза?

— Я не могу определить за вас. Вы боитесь, что он применит силу?

Вера впервые ответила не сразу.

— Раньше не применял. Может схватить сумку. Может встать в дверях. Может говорить часами, пока я сама всё отдам, лишь бы закончилось. Он умеет сделать так, что утром я помню только свою истерику, а не с чего началось.

Это не было ответом «да» или «нет». Нажимать тревожный брелок Лена не стала. Немедленного нападения она не видела; Вера не просила полицию; за неё нельзя было превращать неопределённость в вызов. Но отпускать её одну искать мужа у выхода тоже было не единственным вариантом.

— Есть круглосуточный пост дежурного, — сказала Лена. — Можно сообщить, что вы опасаетесь конфликта при выходе, и попросить безопасно покинуть вокзал. Если считаете, что вам угрожают или пытаются отобрать документы, можно обратиться в полицию. Пост транспортной полиции в соседнем корпусе, дежурный подскажет проход.

— А с долгом?

— С долгом я не помогу.

— Сестра нашла в интернете, что надо срочно писать заявление о мошенничестве.

— Возможно. Но я не знаю обстоятельств и не буду говорить, какое заявление и куда.

Нужна официальная юридическая консультация и банк, где оформлен договор.

— В банке уже сказали платить.

— Сотрудник в окне и юрист — не одно и то же.

Лена достала из стойки городскую памятку, которую Круглов оставил после истории с Ильёй. На обороте были номера круглосуточных служб, на лицевой стороне — адреса муниципальных учреждений. Она нашла строку: «Государственное юридическое бюро Бережской области. Первичный приём, предварительная запись». Ниже стоял адрес на улице Советов и городской номер.

— Это официальное бюро, — сказала Лена. — Я не знаю, имеете ли вы право на бесплатную помощь: это выяснят там. Утром можно позвонить и спросить про порядок обращения. Не отправляйте документы незнакомым людям из поиска и не сообщайте коды из сообщений.

— Это я и без вас знаю.

— Хорошо.

Лена переписала адрес и номер на оборот чека. Потом добавила: «банк — официальный офис; при угрозе — 112 или дежурный». Не название заявления, не порядок блокировки, не обещание, что долг спишут.

Вера прочитала.

— До утра он всё переоформит.

— Что именно?

— Доступ к счетам мастерской. Там мой номер привязан, но телефон он оформлял на себя. Карта у меня, приложение общее на планшете. Пароли знает.

— Тогда свяжитесь с банком по номеру на карте или придите в круглосуточное отделение, если оно есть. Спросите у самого банка, какие действия доступны владельцу счёта. Я не буду угадывать.

— А вы бы что сделали?

— Я не вы.

— Удобный ответ.

— Неудобный. Вам придётся решать самой.

Вера прижала папку к груди.

— Если я сейчас уеду к сестре, он успеет всё вывести. Если вернусь домой, заберёт бумаги. Если пойду в банк, он найдёт меня раньше.

— Я слышу три риска. Но не знаю, какой вероятнее.

— Поэтому и хотела оставить документы. С пустой сумкой могла бы выйти, сесть к нему в машину, а утром забрать.

— Отдать вам утром? Киоск открывается только вечером.

Вера замерла.

Она, вероятно, считала свет постоянным. Будто он гас на несколько часов, но Лена оставалась внутри вместе с конвертами, вопросами и чужими нерешёнными делами.

— Тогда вечером, — сказала она слабее.

— А если он пришёл бы раньше вас и потребовал документы? Если заявил бы, что они из общей мастерской? Если принёс бы доверенность или вызвал полицию? У меня нет права устанавливать владельца по рассказам.

— Вы бы просто не открыли.

— Я не хочу строить безопасность на том, что сумею убедительно солгать.

Вера посмотрела на объявление о правилах.

— У вас всё очень правильно.

— Нет. Просто у меня очень мало полномочий.

— И много слов, чтобы не помочь.

Лена надела куртку. Рольставня оставалась поднятой наполовину: окно ещё было открыто для разговора, но торговля закончилась.

— Я могу позвать дежурного. Могу подождать, пока вы позвоните сестре, банку или в официальную службу. Могу дать этот адрес. Могу попросить, чтобы вас проводили к такси или полиции. Документы хранить не могу.

— А сказать, садиться мне на поезд или нет?

— Нет.

— Конечно.

Вера достала телефон. Экран был заполнен пропущенными вызовами: «Сергей» — одиннадцать раз. Пока они смотрели, появился двенадцатый. Вера отклонила.

— Он знает, что поезд ушёл, — сказала она.

— Откуда?

— Видел, что я не села. Наверное.

— Вы видели его на платформе?

— Нет. Но он всегда узнаёт.

Лена не стала подтверждать догадку. Вместо этого кивнула на пост Круглова. Тот уже возвращался от платформы.

— Позвать?

Вера спрятала телефон.

— Нет. Пока нет.

— Тогда позвоните сестре.

— Она скажет ехать к ней.

— Это её мнение. Решение останется вашим.

— Вы обе одинаковые.

— Вряд ли.

Вера всё-таки набрала номер. Сестра ответила сразу и так громко, что Лена услышала: «Ты где?»

— На вокзале. Поезд ушёл.

Пауза была короткой.

— Бери такси до автостанции. В два сорок автобус.

— Я не знаю, надо ли.

— Надо. Вера, не возвращайся к нему.

Вера отвернулась от окна.

— А мастерская?

— Потом.

— Не потом. Если он снимет деньги, платить всё равно мне.

— Ты ничего сейчас не решишь.

— Вот это все говорят.

Она завершила вызов, не попрощавшись.

— Сестра советует бежать, — сказала Вера.

— Ехать к ней.

— Для Сергея это одно и то же.

— А для вас?

Вера провела ладонью по новой папке. На чёрном пластике остался матовый след.

— Если уеду сейчас, опять буду ждать, что кто-то разберётся. Сестра найдёт юриста, позвонит знакомому, посадит меня у себя на кухне. Сергей тем временем объяснит всем, что я сорвалась. Через неделю я вернусь, потому что мастерская наполовину моя и деваться некуда.

— Тогда какой первый шаг ваш?

— Вы же не советуете.

— Я спрашиваю.

Вера посмотрела на чек с адресом бюро.

— Узнать, что осталось на счетах. И запретить операции без меня, если я имею право.

— Где это можно сделать?

— В банке.

— Он открыт?

— Отделение у автовокзала круглосуточное, но ночью только дежурное окно. Не знаю, занимаются ли они бизнес-счетами.

— Можно позвонить по официальному номеру и спросить до поездки.

Вера набрала номер с обратной стороны банковской карты. Автомат попросил назвать тему обращения. Она сказала: «Подозрение на доступ другого лица к счету». Потом долго слушала музыку, сидя на складном стуле, который Лена вынесла наружу из служебного угла. Внутри не пустила. Сама осталась за окном.

Круглов подошёл, когда ожидание длилось уже шестую минуту.

— Заккрытие было в ноль восемнадцать, — сказал он.

— Касса закрыта. Посетительница звонит в банк и опасается встретить мужа у выхода.

Внутри никого нет.

— Нужен наряд?

Вера закрыла микрофон ладонью.

— Нет.

— Сопровождение до выхода?

— Пока не знаю, куда пойду.

Круглов не стал расспрашивать.

— Сообщите, когда решите. Я на посту до двух. После меня дежурит Молчанов.

Он записал фамилию Веры и время обращения только после того, как спросил её согласия. В графе причины указал: «Просьба о возможном сопровождении». Потом ушёл.

— Он хотя бы не читает лекций, — сказала Вера.

— У него форма убедительнее.

На линии ответил оператор. Вера назвала себя и попросила проверить, какие доступы действуют по её личному кредиту и по счёту мастерской. Лена отвернулась, чтобы не слышать

паспортные данные, и принялась опускать внутренние шторы на стеллажах. Разговор длился двенадцать минут. Несколько раз Вера просила повторить. Один раз сказала: «Нет, супруг не является моим представителем». Потом: «Я не подтверждаю сегодняшнюю заявку».

Когда она завершила вызов, лицо у неё изменилось не от облегчения. Скорее исчезла последняя надежда, что всё объяснится ошибкой.

— Сегодня подали заявку на смену номера для уведомлений, — сказала она. — От моего имени. Оператор поставил отметку о спорной операции и ограничил дистанционные изменения до личного визита. По счёту мастерской ничего не сказал: нужно подтверждать полномочия в отделении.

— Вы узнали, где это можно сделать ночью?

— В дежурном окне у автовокзала примут заявление и зафиксируют обращение. Полностью разберут утром.

Лена кивнула.

— Что вы решили?

— Поеду туда.

— Сестре сообщите?

— Когда сяду в такси.

— Дежурного попросите проводить?

Вера посмотрела на двенадцать пропущенных вызовов. Появилось сообщение: «Я у главного. Хватит цирка».

— Да, — сказала она. — Теперь да.

Круглов вызвал сотрудника транспортной безопасности и заказал официальное вокзальное такси через стойку. Вера могла вызвать машину сама, но водитель тогда подъехал бы к общему карману у главного входа, где ждал Сергей. Служебная посадка находилась с другой стороны здания, у освещённого шлагбаума.

— Я не прячусь, — сказала Вера, когда они пошли по коридору.

— Вы выбираете другой выход, — ответила Лена.

— Это одно и то же.

— Тогда почему вам важно назвать это правильно?

Вера остановилась.

— Потому что я двадцать лет объясняла себе, что не боюсь. Если сейчас признаю, что прячусь, получится, он был прав: я истеричка и устраиваю драму.

Лена не знала, что ответить. Успокоение прозвучало бы как ещё одно решение за Веру. Она сказала только:

— В журнале записано: вы попросили сопровождение. Не диагноз.

У служебного выхода водитель показал удостоверение и назвал заказ. Круглов записал номер машины. Вера положила папку на заднее сиденье рядом с собой, не в багажник.

— Вы не поехали на поезд, — сказала Лена. — Но и домой не вернулись.

— Пока.

— Пока достаточно для одного решения.

Вера достала из сумки старый крафтовый конверт. Теперь он был пуст.

— Выбросите?

— Урна у выхода.

— Нет. Я про всё это.

— Я не храню документы и не обещаю забывать людей по просьбе. Но никому не передам содержание разговора без вашего согласия, если не возникнет непосредственная опасность или обязанность обратиться к службам.

— Даже мужу?

— Особенно человеку, который назовётся мужем.

Вера кивнула и села в машину. Через стекло она позвонила сестре. Такси уехало в сторону автовокзала.

Лена вернулась к киоску в 01:07. Так поздно она закрывалась второй вечер подряд, хотя правило на витрине утверждало обратное. Кассу она завершила вовремя, посетителей внутри не оставляла, но её собственная смена снова растягивалась вслед за чужой бедой.

Света давно ушла. Круглов помог проверить замок служебной двери и напомнил занести задержку в журнал. Лена записала: «После закрытия торговля не велась. До 00:54 посетительница ожидала ответа банка снаружи. Передана под сопровождение сотрудника безопасности к официальному такси». Без долга, мужа и папки.

На автобус она опять не успела.

Утром Вера прислала сообщение с незнакомого номера: «Обращение приняли. Дистанционные операции временно ограничены. Документы у сестры в сейфе. Сегодня иду в юридическое бюро. Разрешаю сообщить дежурному только, что добралась безопасно. Остальное — нет».

Лена переписала разрешённую фразу в журнал связи и ответила: «Принято».

Следующим вечером она пришла за двадцать минут до открытия. На стекле не было новой ленты. Картонное объявление стояло на месте, только угол выгнулся от сырости. Лена заменила его узкой распечаткой в держателе, согласованном администрацией, и освободила витрину.

В 21:47 к киоску подошёл мужчина в тёмно-синей куртке. Крупный, коротко стриженный, с обручальным кольцом на правой руке. Он не посмотрел ни на книги, ни на часы работы.

— Вы вчера были здесь после полуночи? — спросил он.

— Киоск закрылся в ноль восемнадцать.

— Не это спрашиваю. С женщиной разговаривали. Серое пальто, документы.

— Я не обсуждаю посетителей.

Мужчина положил на стойку телефон. На экране была фотография Веры у окна, снятая из глубины зала.

— Я её муж. Сергей Лебедев. Она украла бумаги фирмы и сбежала. Мне нужны записи вашей камеры за вчерашнюю ночь.

Лена посмотрела на верхний угол киоска. Там под потолком висел чёрный глазок камеры — без звука, направленный на кассу и внутренний проход.

Сергей проследил за её взглядом и улыбнулся.

— Значит, запись есть.

Глава 8. Запись без звука

— Значит, запись есть.

Сергей произнёс это не как вопрос. Он убрал телефон со стойки, но ладонь оставил рядом, будто уже занял место в очереди, которой не было.

Лена посмотрела на камеру ещё раз. За три недели работы она привыкла считать её частью киоска: таким же условием аренды, как огнетушитель под полкой и журнал у двери. На проверке Круглов говорил про угол обзора, срок хранения и наклейку о видеонаблюдении, но тогда Лена слушала прежде всего то, что обязана сделать сама. Купить тревожный брелок. Не заслонять объектив коробками. Не оставлять посетителей после закрытия. Кому принадлежит запись, она не спросила.

— Камера установлена вокзалом, — сказала Лена. — Я не выдаю записи.

— А посмотреть можете?

— Нет.

— Даже свою?

— Даже свою.

Сергей прищурился. У него было спокойное лицо человека, который заранее приготовился к чужой лжи и теперь отмечал её признаки.

— Вчера вы с моей женой были здесь больше часа. После закрытия. Она забрала документы фирмы и уехала. У меня заявление будет.

— Тогда сведения запросит тот, кто будет рассматривать заявление.

— Я пока по-хорошему пришёл.

— Я услышала.

За его спиной по залу двигались обычные вечерние звуки: колёса чемодана дробили по стыкам плитки, автомат объявлял прибытие электрички с восточного направления, кофейная машина у дальней стены вздыхала паром. В этом шуме фраза «по-хорошему» могла показаться почти вежливой. Лена всё равно положила руку под стойку, туда, где на клипсе висел тревожный брелок.

Сергей заметил движение.

— Я вам не угрожаю.

— Хорошо.

— Так уберите руку.

— Она мне не мешает.

Он усмехнулся и оглянулся на пустую часть зала. До отправления пригородного поезда оставалось девять минут, и большинство пассажиров уже ушли к турникетам. Светин павильон работал, но сама Света раскладывала коробки за матовым боковым стеклом и могла ничего не видеть.

— Вы знаете, что она натворила? — спросил Сергей. — Или вам достаточно, что пришла женщина с испуганными глазами, и можно назначить виноватого?

— Я никого не назначала.

— Помогли ей уйти через служебный выход.

Лена не ответила. Даже подтверждение маршрута было сведением, которое Вера не решала передавать. В журнале имелаась короткая запись о сопровождении, но журнал лежал в закрытом ящике и предназначался не для посетителей.

— Вот, — сказал Сергей. — Молчите, значит, было.

— Моё молчание ничего не подтверждает.

— Вы всегда так разговариваете?

— Когда меня спрашивают о другом человеке — да.

Он снова открыл фотографию на телефоне и увеличил изображение. Вера стояла у окна боком, папка была прижата к груди. Снимок сделан из зала, вероятно, через час после ухода поезда. На заднем плане отражались часы. Лена увидела на них 00:31.

— Это ваши бумаги? — спросила она прежде, чем успела остановиться.

— Я же сказал: фирмы.

— На фотографии нельзя увидеть содержание.

— А вы видели.

— Я не обсуждаю посетителей.

— Она вам наврала. Вера ведёт бухгалтерию, у неё доступ ко всему. После ссоры вынесла договоры и печать, заблокировала работу мастерской. У нас люди утром не смогли получить зарплату.

Звучало правдоподобно. Именно так и должны были звучать обстоятельства, которых Лена не знала. Вера говорила о спорном долге и заявке на смену номера. Сергей говорил о фирме и зарплате. Оба могли произносить часть правды, и ни одна часть не давала Лене права открывать ящик, показывать журнал или искать запись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.